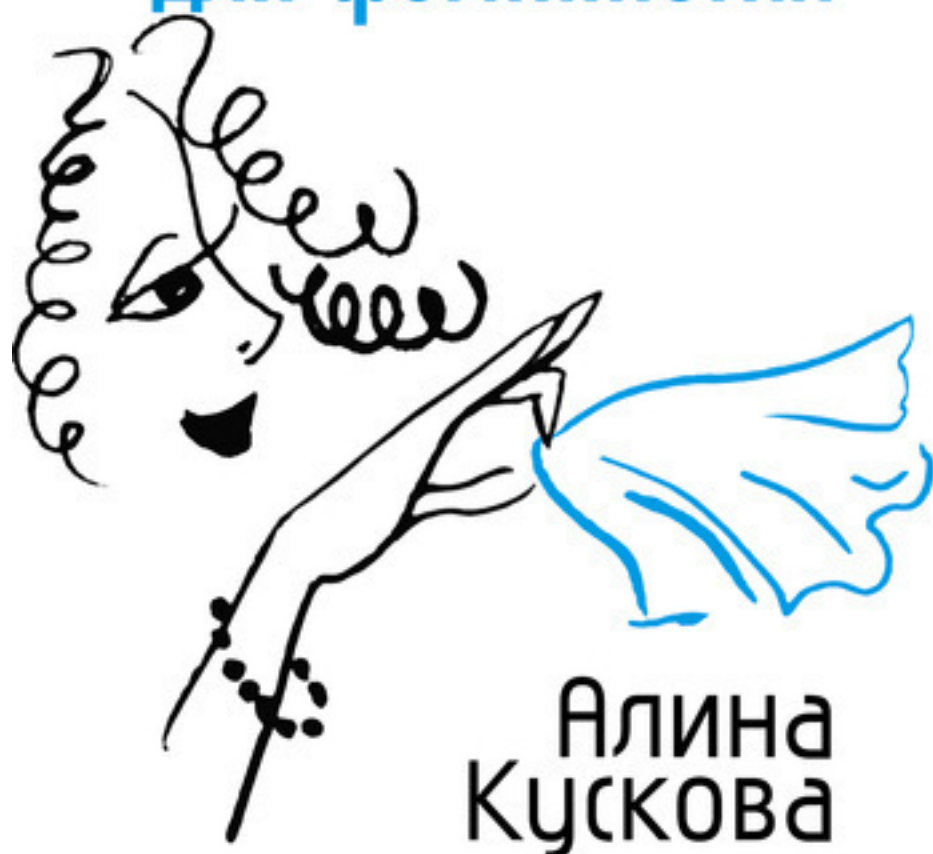

Супермен для феминистки

Алина
Кускова

комедийный любовный роман

Алина Кускова
Супермен для феминистки

«Автор»

2007

Кускова А.

Супермен для феминистки / А. Кускова — «Автор», 2007

ISBN 978-5-699-21401-3

Василиса твердо решила стать феминисткой. Или хотя бы просто стервой – чтобы больше никогда не иметь дела с коварными мужчинами. Вот до чего доводит девушек долгая и унижительная жизнь в гражданском браке! Василиса выгнала из своего дома сожителя, обзавелась новой мебелью, устроилась на работу. Пока все шло по плану. Но начальник по имени Федор оказался так хорош, что новоиспеченная феминистка... бросилась в омут страсти с головой, начисто лишенной мозгов от любви! Это было ужасно – ведь шеф готовился к свадьбе! И с кем – с собственной секретаршей...

ISBN 978-5-699-21401-3

© Кускова А., 2007

© Автор, 2007

Содержание

За несколько дней до...	5
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Алина КУСКОВА

СУПЕРМЕН ДЛЯ ФЕМИНИСТКИ

За несколько дней до...

Как только она вошла, Забелкин сразу понял, что у нее за намерения в отношении его и секса. Вид у пышнотелой румяной дамы был прямо какой-то страх-трах-бомбы.

– Вам сказочно повезло, – начала она с порога, расстегивая пальто, – ваша мечта сбылась!

– Да что вы?! – Забелкин просто обалдел.

– К вам пришла я! – Дама сделала несколько уверенных шагов вперед, выдвигая на первый план свою грудь четвертого размера. – И теперь у вас есть возможность застраховаться! Потому что я – начинающий страховой агент!

– Очень хорошо начинаете, – обрадовался Забелкин, а трах-агент уже в одном платье рвалась в ванную.

– Зачем же так сразу?! – побежал за ней хозяин квартиры, ликуя, что жены нет дома. – Может, сначала чайку попьем?

– Сначала наберем ванну, пусть переливается! – Дама открутила все краны. – А то ваши соседи снизу отказались страховать от стихийных бедствий! – Когда вода полилась в ванну, она повернула к Забелкину свое довольное лицо и ласково поинтересовалась: – Ну, и где у вас чай?

И прошла в кухню, покачивая бедрами.

– Вас также надо страховать от землетрясения. – Ее палец ткнулся в обшарпанную штукатурку кухонного потолка. – В Африке недавно так трясло, так трясло!

– Да мы вроде в противоположном месте находимся, может, потом застрахуюсь? – попытался возразить Забелкин.

– Потом окажется поздно! Вы будете страховать от стихии?!

Женщина-бомба пронзила его возбужденным взглядом, и Забелкин больше не сомневался в ее истинных намерениях.

– А как же! – и полез в холодильник за шампанским.

Вдруг во дворе пронзительно завывла сигнализация. Забелкин и его гостя кинулись к окну.

– Ваша? – Дама указала на серебристую иномарку Забелкина. Тот кивнул. – Срочно надо страховать! Согласны?!

– Конечно! Давно мечтаю застраховать ее от обгаживания пернатыми хищниками.

– От обгаживания пока не страхуем. Можем от гражданской ответственности, если на кого наедете. – Дамочка игриво посмотрела Забелкину в глаза и сняла шарфик.

– Пойдемте, – Забелкин взял ее за руку, – сейчас мы застрахуемся, и я сразу же совершу наезд на соседку, которая мне всю печенку проела.

– Да вы просто маньяк! – Страховщица вырвала руку, но осталась рядом и кокетливо продолжила: – У вас есть дети школьного возраста?

– К счастью, нет. – Забелкин догадался, что она интересуется его семейным положением.

– Жаль, – дама глубоко вздохнула, качнув роскошным бюстом, – можно было бы застраховать. А если бы нашлись второгодники... – и доверительно добавила: – Очень выгодно страховать второгодников, хорошие скидки.

Страховая дама пробежала в комнату и остановилась перед портретом хозяйки дома.

– Ваша? – спросила с нотками ревности в голосе.

– Бывшая, – не глядя на портрет, соврал Забелкин.

– Вам надо застраховать свою жизнь! – Глаза вышколенной страховщицы снова возбужденно заблестели.

– Что вы! Боюсь, теща сразу наложит на нее руки!

– Тогда застрахуйте бывшую жену! – не унималась дама. – В моей практике уже был опыт: муж застраховал жизнь жены, а она подарила ему место на кладбище. Как романтично! Правда, потом они долго не виделись.

Забелкин понял, к чему она клонит, и открыл дверь в спальню.

– Срочно страхуйте свое здоровье! – Дама кинулась на кровать. – Представьте только, что эта огромная картина в тяжелой раме упадет вам на голову! Будет сотрясение мозга!

– Это место моей бывшей жены. А в ее голове сотрясаться нечему. – Забелкин прилег рядом.

– Тогда мысленно проведите перпендикуляр от люстры, – прекрасная страховая незнакомка подвинулась к нему ближе, – видите, куда он упирается, если эта люстра все-таки упадет?!

Забелкин мысленно провел. Перпендикуляр четко упирался в его достоинство. И тогда он понял, что намеки излишни, обнял страх-трах-бомбу, которая вдруг завизжала, наверное, от счастья. В этот момент вошла его жена, которая совершенно не подозревала, что часто в маленьких адюльтерах мужа оказывалась «бывшей».

Глава 1

Забелкинские капиталы

Василиса никого не хотела видеть. Она лежала на кровати третий день подряд и жалела себя. Муж – подлец и негодяй – оказался циничным изменником. Она застала его в объятиях пышнотелой красотки, и он ничего не стал отрицать. Наоборот, как только коварная соперница скрылась за дверью, Забелкин, подтягивая растянутые треники и выпячивая хилую грудь, заявил, что она у него не одна. Таких проходимок у него пруд пруди, а Василиса, его гражданская жена, дура набитая и тетеха, в этом пруду должна сидеть и не квакать. Забелкин засунул руки в карманы штанов и, с умным видом прохаживаясь по комнате, принялся перечислять, почему он так считает. Получалось, что с Василисой он стал сожительствовать (прямо так и сказал) только из жалости. Баба она никчемная – высшего образования не получила, на нормальную работу не устроилась, ребенка ему не родила. Та вместо того чтобы биться в истерике, закатывая Забелкину скандал, молча выслушала справедливую критику и пошла собирать ему чемоданы. Увидев это, Забелкин сам устроил скандал. Съезжать с Василисиной квартиры он не хотел. К чему? Он очень хорошо пристроился, уже поделил ее две маленькие комнатки поровну и решил налаживать личную жизнь с другой – умной, не тетехой, обладающей высшим образованием и детородной функцией. Василиса все так же молча выставила его чемоданы на лестничную клетку, а когда Забелкин ринулся за ними, чтобы вернуть свои вещи назад, захлопнула за ним дверь и задвинула щеколду. Забелкин пару часов покричал перед закрытой дверью, но вскоре унялся и потопал к родителям, не чаявшим в единственном сыне души.

На следующий день он вернулся и потребовал отдать ему одну из комнат для проживания: в квартире родителей устроить личную жизнь было практически невозможно. Василиса не вняла просьбам бывшего гражданского мужа и даже не подошла к двери для ведения переговоров. Она лежала на кровати и страдала. Да, Забелкин оказался прав. Она училась на четвертом курсе института, когда встретила его, такого умного и заботливого. Он был сыном хороших знакомых ее мамы, она – дочерью хорошей знакомой его родителей. Можно сказать, что родители их и поженили. Нет, жениться Забелкин хотел только на первоначальном этапе их совместной жизни. После чего, втянувшись в благотворную атмосферу заботы и ухода, решил себя не обременять. Зачем? Ему и так было прекрасно. Он часто говорил: «Зачем покупать молоко, когда рядом ходит дойная корова?» Этой дойной коровой была она, Василиса. Она окружила его заботой и вниманием, по настоянию его родителей бросив институт. Каждое утро Василиса вставала ни свет ни заря, чтобы сварить Забелкину свежий супчик на завтрак. Потом отправляла его в лабораторию, а сама принималась убирать, чистить и стирать. Стирать приходилось ежедневно – Забелкин менял белоснежные рубашки каждый день. По-другому было нельзя – он был перспективным химиком, его лаборатория получила какой-то грант и сотрудничала с иностранными державами. Забелкину нужно было «держать марку». Часто он держал эту самую марку в их (вернее, Василисиной) квартире, приглашая многочисленных партнеров на приготовленный Василисой обед, обычно состоящий минимум из семи блюд.

Она смирилась с жизнью подруги гения и делала все для того, чтобы снять с него бремя житейских забот. О продолжении образования Василиса больше не думала, об устройстве на работу даже не мечтала, а родить ребеночка ей не позволил сам Забелкин, мотивируя это тем, что ребенок станет препятствием к получению им Нобелевской премии. Теперь Забелкин ставит это Василисе в вину. Конечно, она зря бросила институт, могла бы найти почасовую работу, тайком от Забелкина забеременеть и поставить его перед фактом. Да и родителей забелкинских тоже. Неужели те не захотели бы внука? «Не захотели бы», – ответила сама себе Василиса, хорошо зная бывших родственников. Для тех важнее была перспектива карьерного роста

единственного сына. Правда, за те пять лет, что она прожила с Забелкиным, тот так и остался на должности младшего научного сотрудника и никуда не вырос. В этом он тоже обвинил ее.

Василиса перевернулась на другой бок и продолжила страдать. В дверь позвонили. На площадке раздался голос Забелкина, жалующегося соседке на беспринципную и жестокую Василису. Она закрыла глаза и уткнулась поглубже в подушку. Пусть трезвонит, она не откроет. Между ними все кончено. Раз Василиса тетеха и дура набитая, пусть Забелкин поживет с родителями и поищет себе умную.

Зазвонил телефон, валяющийся у Василисы в ногах. Она привстала и подняла трубку. Звонила мать Забелкина. После тирады обвинений в адрес бессердечной Василисы она обрушила на нее град укоров. Василиса молча вернула трубку на место. Ей было жалко свою маму, она очень расстроится, когда вернется из санатория. Для нее Забелкин тоже был гением и воплощением мужского достоинства. Кстати, о мужчинах. Василиса встрепенулась, оторвала от подушки взлохмаченные коротко остриженные волосы и поджала губки. Все, она наплюет на мужское достоинство и станет феминисткой! Маме говорить об этом не станет, для той что феминистки, что лесбиянки – все одно. Василиса решила, что начнет жизнь без вмешательства в нее представителей мужского сообщества.

Но вмешательство продолжалось. Звонок надрывался, а по двери со всей дури долбили каблуком. Забелкин совсем обнаглел... Каблуком? Похоже на удары «шпилькой». Забелкин не носит «шпилек», по крайней мере до этого дня не носил. Значит, это не он. Алевтина! С другой стороны двери явно слышался голос подруги, кричащей кому-то, что он «скотина и сволочь!». Василиса вскочила с кровати и побежала открывать.

– Все! – Алевтина трянула роскошной крашеной гривой волос и резанула перчаткой воздух. – Я спустила его с лестницы! Надеюсь, ты не против?!

– Я – «за»! Очень даже «за», настолько, что ты даже себе не представляешь! – Василиса была рада видеть подругу, еще недавно отдохавшую на арабских курортах.

– Давно пора выкинуть неблагодарного Забелкина на улицу! Пусть бомжует! Побирается и просит милостыню в ободранном пальтишке на холодном ветру у обочины дороги рядом с потоком обдающих его грязью автомобилей! – Алевтина смаковала представленную в красках картину. Она всегда относилась к гражданскому мужу своей подруги с недоверием, временами переходившим в открытое противостояние.

– Не нужно делать из меня монстра, – возразила Василиса, растерянно оглядывая новый прикид Алевтины: короткие черные бархатные брючки, замшевую курточку в тон и замшевые сапожки одного с курточкой вырвиглазовского красного цвета. – У него есть, где жить – у родителей. Есть деньги – он хорошо получает за свои опыты. К тому же я не посягнула на его иномарку...

– За все то, что он с тобой сделал, могла бы и посягнуть! – возмутилась подруга. – Мы бы сегодня же поехали кататься и охмурять мужиков!

– Вот на этом, Алечка, я поставила крест.

И Василиса поведала подруге о своем твердом решении никогда больше не обращать внимания на недостойных особей мужского пола. Алевтина обозвала ее лесбиянкой, сказала, что ничего общего с истинным феминистическим движением этот ее настрой не имеет. Феминистки ее на порог своей организации не пустят, а лесбиянкам она внешне не приглянется. Тетеха тетехой!

Жестокое, но совершенно справедливое обвинение Василиса выслушала стойко. Она уже давно перестала обращать внимание на свою внешность, за что подруга ее постоянно укоряла. Но просить у Забелкина денег на парикмахера и маникюршу было бесполезным занятием. А на одежду Забелкин выделял ей раз в год определенную сумму, которую хватало только на одну-две части ее скудного гардероба. Сейчас он в своем полном составе из двух юбок, трех кофточек и одной куртки лежал на кровати.

– Это все, что ты приобрела себе за пять лет совместного супружества?! – Возмущалась Алевтина, скидывая курточку. Под ней сразу приковывал к себе внимание трикотажный топик, выгодно облегающий ее стройное тело.

– Нет, – спокойно отреагировала Василиса, – еще есть джинсы и толстовка. Они на мне.

Алевтина выразительно ухмыльнулась, сунула тряпки назад в шкаф и предложила подруге прогуляться по магазинам. То, что подруга была оторвана от жизни простых обывателей, Василиса догадывалась. Но чтобы настолько?! Откуда она возьмет деньги для того, чтобы гулять по магазинам? В их гражданской семье зарабатывал только Забелкин. Всю финансовую политику определял он сам, деньги были только у него. Василисе выделялось на магазины. Но только на продуктовые, с заранее утвержденным списком закупаемых товаров. В ее кошельке завалилась кой-какая мелочь, но этого хватит только на автобус, который отвезет Василису на кладбище, где она похоронит все, что связано с Забелкиным, в том числе и его деньги.

Алевтина внимательно выслушала эмоциональный монолог подруги и подошла к ней ближе. Только сейчас Василиса заметила у нее в руках небольшую кожаную сумочку, которую та достала из шкафа вместе с одеждой. Это была заначка Забелкина. Это был его «черный день». Это было то, из-за чего он продолжает рваться в ее квартиру! Она, собирая его вещи, совершенно забыла про эту кожаную сумочку, в которой даже не знала, что находится. Но догадывалась, что там могли быть важные документы.

– Ее нужно отдать Забелкину! – решительно заявила Василиса, пытаясь забрать сумку.

– Вот еще! – заявила Алевтина и прошла на кухню.

Там она взяла разделочный нож и безжалостно сорвала хлипкий замок. В кожаной сумке оказались евро и доллары. Такой суммы Василиса себе даже не представляла!

– Много же он нахимичил, – заметила Алевтина, перебирая купюры. – Но мы будем справедливы. Половина – ему, другая – тебе. В лучших традициях современного правосудия.

– Гражданская жена не имеет права, – начала Василиса, но Алевтина не дала ей закончить.

– Это ты, бесправная, так считаешь. Лично я думаю по-другому. И для того, чтобы у тебя не возникло желания ему все вернуть, оставляю только одну часть. Другая будет у меня!

Она разложила купюры на две ровные стопки и пошарила рукой по сумке. Помимо денег, там оказались два маленьких серебряных колокольчика и монетка, внешний вид которой не позволял ее сразу же отнести к какой-то определенной державе.

– Толстенькая, с иероглифами, – разглядывала монетку Алевтина, – наверное, вона какая-нибудь. С дырочкой – не иначе как подарочная. Оставлю ее себе. У моей Марушки всего две медали, прицеплю монетку, будет три. Она ей очень подходит. Ты не беспокойся, – Василиса хмуро проводила монетку взглядом, – колокольчики, как я понимаю, память. Их оставим Забелкину, пусть пустозвонит дальше. Все поровну и честно. Согласись?

Василиса пожала плечами. Зачем Алевтининой доберманше понадобилась третья медаль, она не поняла, но за колокольчики была благодарна. Лично ей ничего не нужно от бывшего мужа: ни медалек, ни колокольчиков, ни этой огромной суммы денег. С другой стороны, Алевтина права – что-то она все-таки заработала, обихаживая Забелкина. Поэтому Василиса решила особо не сопротивляться и сунула наполовину опустошенную сумку на место.

– Сейчас перекусим и отправимся по магазинам, – заявила Алевтина, устремляясь на кухню. – Да у тебя тут полна коробочка! – Она открыла холодильник и принялась заглядывать в кастрюльки, плоски и пакетики. – Борщ! Отлично, сейчас разогреем.

– Ему три дня, – махнула рукой Василиса.

– Ну и что? В ресторанах же подают суточные щи! Картошечка с грибочками, какая прелесть. Сама, что ли, насобирала? Надеюсь, не мухоморы для Забелкина?

– Белые грибы, – возразила Василиса, – деревенские, тетя Поля прислала.

– Ох, знаю я этих тетей Поль, – вздохнула Алевтина, ковыряя ложкой картошку, – одна такая насобирала поганок, засушила и стала продавать у общежития университета. Студенты с голодухи накупили, приготовили и съели. И что ты думаешь?! Такой ажиотаж создали, бабка только успевала оборачиваться: насобирает, засушит, привезет. Мешками брали. У них как раз сессия шла, так они для того, чтобы отключиться, грибы жрали. Все экзамены провалили, все остались с хвостами. Но нам с тобой сегодня глюки не нужны, от одного уже, к счастью, избавились. Нам с тобой придется такие сложные задачи решать, – Алевтина вздохнула и поставила картошку с грибами назад в холодильник.

– Мы что, математикой займемся? – не поняла Василиса.

– Хуже. Дизайном твоей фигуры. – Подруга вытащила на стол колбасу и сыр. – Переесть не будем. Некоторые от волнения много едят, это вредно. – Она вопросительно глянула на Василису. – Ты за собой такого не замечала?

– Нет, – помотала головой та, – я от волнения много плачу. Это вредно?

Алевтина презрительно усмехнулась и принялась варить кофе.

После еды она стала немного благодуще. Василиса лишней раз убедилась, что путь к сердцу лежит через желудок не только у мужчин.

Алевтина устроилась в кресле и принялась изображать из себя популярную ведущую своей любимой программы «Разденьтесь сейчас же!», где из тетех делали настоящих дам. Она заставила Василису раздеться до нижнего белья и принялась внимательно изучать ее фигуру.

– Как будто в первый раз меня видишь, – принялась возмущаться Василиса, неловко прикрывая руками интимные места.

– Нашла кого стесняться, – сказала Алевтина и сморщила лоб, – работы непочатый край! Где у тебя шея? Где твоя лебединая шея? Что ты ее скужила, как курица, которую ощипывают?! – Василиса вытянула шею вперед, насколько смогла. – Где грудь? – Как Василиса ни старалась, грудь так и не появилась. – Ладно, с грудью все ясно. Пуш-ап с силиконовыми подушечками. Почему коленки вместе? Они что, у тебя из одного места растут, как сиамские близнецы? Не обижайся, Василиса, кто тебе еще скажет истинную правду, как не лучшая подруга? Вот то-то. Ноги кривоваты, но под слегка клешеными брюками это будет незаметно.

– Ноги как ноги, нормальные конечности.

– Вот именно – конечности. А должны быть ножками, на которые заглядываются мужчины!

– Я тебе уже сказала, что на них у меня аллергия. И преобразиться я хочу для себя, а не для них. В приличном виде легче устроиться на хорошую работу.

– Да, – задумалась Алевтина, – тебе действительно нужно работать, чтобы содержать саму себя. Я, пожалуй, поговорю о тебе с шефом. Он как раз собирался брать курьера для наших городских филиалов. Но для того чтобы пойти к потенциальному работодателю, нужно достойно выглядеть. Спасибо Забелкину. Его средств, – она внесла в голос металлические нотки, – половины его средств, вполне хватит, чтобы придать твоему облику достойный вид.

Для того чтобы отправиться по салонам и магазинам, следовало выйти из квартиры, чего Василиса позволить себе не могла. Сразу появится наглый Забелкин со своим ключом и ворвется в ее жилище. Пока его сдерживала только задвижка, закрывающаяся с внутренней стороны, да дверная цепь. Алевтина долго раздумывать не стала, собралась и пошла за супернавороченным замком. А Василисе было дано задание ни в коем случае не сдавать позиции осажденной бывшим мужем крепости и общаться с ним посредством выхода на балкон.

Алевтина как в воду глядела. Только ее замшевая курточка скрылась за поворотом, на пороге квартиры возник Забелкин. Но на этот раз, окрыленная подругой, Василиса не стала канючить в подушку, слушая, как он рвется в квартиру, а подошла к двери и начала переговоры. Теперь она знала точно, что тому требуется. И действительно, только услышав о кожаной сумке, Забелкин сразу согласился бежать под балкон. Василиса злорадно подумала, что сейчас

вполне могла бы заставить его встать на колени и исполнить на весь двор арию Каменного гостя – ради сумки тот согласится на все. Но, увидев его у себя под балконом, передумала. Мстить Забелкину не хотелось. Вместо ненависти, от которой, как известно, до любви один шаг, Василиса почувствовала к своему бывшему мужу равнодушие. Не полное безразличие. Все-таки, если сейчас на того обрушится балкон, ей будет жалко Забелкина, но что-то индифферентное в ее отношении к нему было.

Забелкин стоял под балконом с готовностью служебной собаки броситься за сумкой, как только та окажется в воздухе. Василиса не стала тянуть и бросила. Если она была к бывшему мужу равнодушна, то сосед этажом ниже того просто ненавидел, и никакой любовью здесь не пахло. Он поспорил с Забелкиным, когда тот, увлекшись романом со страховщицей, затопил его ванную комнату и после отказался оплачивать ремонт. Пакостить сосед не стал – вместо этого он, в недавнем прошлом хороший баскетболист, стремительно отбил летящую прямо в руки Забелкину сумку. Она сменила траекторию полета, значительно увеличила скорость и спикировала в кузов проезжающего мимо дома грузовика. Василиса развела руками, сосед показал Забелкину свой баскетбольный кулак. А тот, сменив служебное выражение лица на крайне обозленное, принялся догонять машину.

Когда вернулась Алевтина, от Забелкина и сумки остались одни воспоминания. Зато купленный той внушительный «супер-цербер» давал надежду на спокойное будущее. Через полчаса Алевтина привела полутрезвого слесаря, который в течение нескольких минут поменял замки местами и потребовал такой оплаты, что Василиса схватилась за голову. А Алевтина за свою сумочку, где лежали забелкинские капиталы. Сказать «хранились» в случае с Алевтиной было верхом глупости. Она в принципе не хранила деньги и собиралась потратить и эти, попавшие к ней случайным образом.

Начать тратить решили с парикмахерской. Не с какой-нибудь занюханной социальной цирюльни, а с самого дорогого салона, где парень-стилист гнусавым голосом первым делом поинтересовался, что за стрижку носит в данное время его клиентка. При этом он брезгливо поднял своими тонкими пальцами пару волосин на голове усевшейся в кожаное кресло Василисы.

– Стрижка называется «Пьяный воробей»! Делал ее, между прочим, сам Серж Зверевф, – небрежно заметила Алевтина, расположившаяся рядом с подругой для того, чтобы контролировать процесс.

Василиса поначалу хотела обидеться на подругу за столь нелестное замечание по поводу ее головы, но потом вспомнила, что любимым пирожным той была «Пьяная вишня», по-видимому, в какой-то степени ассоциирующаяся с ее прической. Она вздохнула и утвердительно качнула головой. Если бы этот стилист знал, что представленную с таким пафосом стрижку делала ее мама раз в месяц по вечерам на кухне, он бы потерял свой гнусавый дар речи. Сейчас же он заметил, что, вполне может быть, господин Зверевф бесконечно прав в том, что дамам чрезвычайно идет их естественный цвет волос, но применительно к Василисе он бы посоветовал его изменить. Алевтина дала отмашку избавить подругу от мышиноного цвета, и работа закипела.

Василису красили, стригли, ей выщипывали брови, делали маникюр, накладывали макияж... Через пару часов ее смогла узнать только Алевтина. Василиса поглядела в зеркальное отражение: глаза уперлись в совершенно незнакомую девицу с пухлыми подкрашенными губками, блондинистой челкой и бликующим разными цветами радуги затылком. Изогнутые брови и вздернутый носик удачно дополняли облик незнакомки.

– Тебе не дашь двадцати шести! – Алевтина всплеснула руками и быстро добавила, обращаясь к стилисту: – Я намного ее младше.

Василиса пропустила хитрость ровесницы мимо ушей, она знакомилась заново со своим новым «я». Гнусавый парень снисходительно пожал плечами и сложил тонкие руки на груди. Так, скорее всего, делает настоящий художник перед законченным произведением своего искусства. Да, Василиса была согласна, что с этого дня она, преобразенная, и будет считать себя истинным произведением искусства. Бесценным. Ни за какую цену она отныне не отдаст себя в бесчеловечные мужские руки.

– Каждый месяц на коррекцию и поддержку образа, – прогнусавил стилист вслед Алевтине и Василисе, – а лучше – чаще. И чем чаще, тем лучше.

– Он прав, – согласилась Алевтина, – образ нужно поддерживать.

И подруги направились в ближайший торговый центр. Там среди множества залов, уставленных вешалками с разнообразной одеждой, Василиса растерялась. Алевтина, наоборот, почувствовала себя как рыба в воде. Она подвела подругу к длинному ряду, уткнула в розовый костюм и побежала дальше. Василиса так и осталась стоять, разглядывая чудовищную, по ее мнению, одежду.

Нет, она не всегда была «синим чулком». В молодости она позволяла себе яркие вспышки в своем гардеробе. Но молодость ушла так же скоро, как и ее замужество. Кто она сегодня? Брошенка? Ничего подобного, она сама выставила Забелкина за дверь. Конечно, тот не особо сопротивлялся. Поняв, что комната ему так и не светит, он сразу слинял. «Нужно поддерживать образ», – уговаривала себя Василиса, прикидывая, как на ней будет сидеть этот розовый кусок ткани.

Когда, осмотрев все, что висело в нескольких залах, к ней вернулась Алевтина, Василиса держала в руках вешалки с одеждой. Это были толстовка и джинсы, пара кофточек и юбка. Единственным отличием от тех, которые лежали в ее шкафу, было то, что все вещи пестрели яркими красками. Василиса с удовольствием приложила к себе зеленую кофточку, синюю юбку – и улыбнулась.

– Отличный выбор, – Алевтина скривила губы, – кофта под цвет лица, юбка в тон коленкам.

Она взяла вешалки и сунула их в руки молоденькой продавщицы, весело хихикающей над ее незадачливой подругой. Та сразу замолчала и пошла возвращать одежду на прежние места.

– Конечно, у нас не банковская кредитка, но кое-что мы себе позволить можем. – Алевтина хищно усмехнулась и углубилась в ряды с одеждой.

Подруги позволили себе неприлично много. Большая часть, естественно, досталась Василисе, но Алевтина себя не обделила. Если в отделах с одеждой она еще более-менее сдерживала свои порывы, то в обувном сдержаться не смогла. Завидев дорожные сапоги-ботфорты, она прижала их к сердцу и держала до тех пор, пока встревоженная продавщица не поинтересовалась, все ли с ней в порядке. Василиса как раз примеряла удобные недорогие полусапожки. Очнувшись Алевтина обозвала ее обувь «говнодавчиками» и сунула Василисе ботфорты. Та в ужасе отшатнулась. Алевтина призналась, что это «слишком креативно», и примерила сапоги сама. Но Василисе все же выбрали обувь на каблуке. Хотя она сопротивлялась, говоря, что курьеру придется много ходить, а она забыла, что такое даже платформа.

Соседи не узнали в яркой девице серую мышку Василису Семенову, которая несколько дней назад выгнала своего любвеобильного сожителя. Василиса шествовала по двору как королева. Каблуки не позволяли горбиться, и шаги сами собой получались чинные. Василиса забыла про привычку размахивать руками из стороны в сторону, теперь одна рука поддерживала полу длинного бархатного плаща, другая держала сумку в тон ему. А в сумке приятно побрякивала косметика и средства по уходу за кожей, волосами и всем остальным, что только может найти у себя настоящая женщина. Рядом с ней важно вышагивала обновленная на забел-

кинские капиталы Алевтина, от удовольствия размахивая рукой, на пальце которой красовался только что купленный перстень с бриллиантовой каплей.

Колечко купили и для Василисы. Но в ювелирном магазине вышел казус. Продавщица, опытная дама, своего рода психолог, решила предложить покупательницам товар, соответствующий их именам. Имени Алевтина соответствовал бриллиант. А вот Василисы в длинном списке ювелирши не нашлось. Был Василий, но Василиса не согласилась иметь что-то общее с этим мужским именем и выбрала колечко, которое ей просто понравилось без всякого значения. Она хорошо помнила, как разозленный чем-нибудь Забелкин звал ее Васькой или кричал ей «Брысь!».

– М-да, – протянула Алевтина, устроившись на Василисиной кухне перед картошкой с грибами. – Тебя нужно переименовать. Имя Василиса, как ты сама смогла в этом убедиться, совершенно не соответствует современным требованиям. Зваться Василисой в наше время просто неприлично. К тому же тебе придется предстать перед глазами моего шефа. А как я ему скажу, что моя подруга – Василиса? Может, тебе назваться Пенелопой?

– Даздрапермой, – ответила Василиса, занятая приготовлением чая.

– Креативно, – сразу согласилась Алевтина, – свежо, ново.

– Старо. Так звали мою бабушку. И расшифровывается это, между прочим: «Да здравствует Первое мая!»

– Да. Как-то по-мужски. Ты не находишь? – Алевтина задумалась. – Может, тебе назваться Эвелиной?

Василиса не хотела кем-то там называться. Узнает мама, обидится. Она искренне считала, что назвала свою дочь самым лучшим именем в мире, ведь Василисы в русских сказках всегда были только прекрасными.

– Но жизнь не сказка, – философски рассудила Алевтина, – и твоей маме мы ничего не скажем. Только моему шефу.

Она достала орфографический словарь, на последних страницах которого были перечислены наиболее популярные имена. Кстати, имя Василиса там занимало одно из лучших мест. Но ничего не подошло. Да и не могло подойти в принципе. Ведь нужно было, чтобы новое имя хоть как-то было связано со своей хозяйкой, подходило ей по звучанию и просто ей нравилось. Василисе не нравились все. Сошлись на том, что будут искать производные от ее настоящего имени.

– Если от твоего имени отбросить две крайние буквы, – рассуждала Алевтина, – то получится Асилис. Похоже на Осириса, египетского бога, отпадает. Если убрать еще одну букву – Силис. Если заменить одну на другую: Иллис, Эллис. О! То, что нужно, ты будешь – Эллис. Завтра я подойду к шефу и скажу: «Федор Федорович, а не желаете ли взять на должность курьера мою лучшую подругу Эллис?!» Как ты думаешь, что он ответит?

– «Нет, скажет он, – парировала вдруг ставшая упрямой и находчивой подруга, – не желаю. Лучше бы эту работу выполняла какая-нибудь Василиса».

– Ты ничего не понимаешь! – Алевтина была не на шутку возмущена. Часто от нашего имени зависит наше будущее. В данном случае – твое. Разве можно отказать Эллис? Вот Василису можно гнать в шею. А вот гнать в шею Эллис, согласись, просто глупо.

– Почему? – Не согласилась Василиса. – Я бы прогнала. Если бы она заслужила.

Алевтина вздохнула. С подругой нет никакого сладу, взялась гнать всех подряд без разбора. Не понимает своего счастья, дурочка. С такой внешностью, как у нее теперь, нужно быть только Эллис, а не какой-то там Василисой, пусть даже и Прекрасной. Не станешь же везде представляться: Василиса Прекрасная. Определение к этому имени, безусловно, не такое неудачное, как к Ивану, но используется очень редко.

– Ладно, – махнула рукой Василиса, заметив, как сникла Алевтина, – представляй меня как хочешь, только устрой на работу. Эллис так Эллис. В паспорте ведь все равно правда записана.

– Да кто будет смотреть в твой паспорт?! – Обрадовалась подруга. – Только кадровый отдел. А шефу будет приятно, что он взял на работу не Василису, а Эллис. Сейчас все конторы переименовались в офисы, управленцы в менеджеров, Борисы в Бобов... А тут ты со своей Василисой. Кстати, в отделе закупок сидит очень интересный молодой человек – Боб Кутейкин. Советую тебе им заняться, пока он еще свободен.

– Алечка, дорогая, я тебе уже в который раз говорю, что не собираюсь обращать внимание на мужчин! И дело не только в том, что меня бросил Забелкин. Нет, это я его бросила. Это дело принципа.

– Твои принципы пахнут нетрадиционной ориентацией. Но это тоже модно в нашей интеллигентской среде. Ты думаешь, я могу рассказывать всем, что ты лесбиянка?

– Всем не нужно, но Бобу обязательно скажи, чтобы он не терял времени даром. Алевтина, почему ты так уверена, что твой шеф возьмет меня на работу? Вдруг он уже кого-то взял?

– Не переживай, подруга, – Алевтина хитро сощурила глаза, – курьер требуется в мой отдел. А я как-никак там начальница. Так что без меня никого не возьмут. – Она откинулась назад и покачалась на задних ножках табурета.

Василиса не успела предупредить, что этой табуретке столько лет, что она еще помнит революционные штаны ее прадеда! Одна ножка предательски хрустнула и сломалась. Алевтина в мгновение ока оказалась на кафельном полу. Потирая ушибленное место и сетуя на то, что теперь ей будет больно на чем-нибудь сидеть, она пришла к неожиданному выводу:

– Василиса! Тебе нужно сменить мебель. Я оплачу. Вернее, Забелкин все оплатит. – Она побежала за сумочкой, достала из нее купюры и принялась пересчитывать. – Тут на многое хватит. Даже останется на новенькую иномарку. Давай купим красную! Сядем в нее – я за рулем – и помчимся вперед, газуя мужикам спортивным глушителем. Как они громыхают, я тебе скажу! – Алевтина осеклась. – А, ну, да. С мужиками ты в полной завязке. Но, может быть, когда-нибудь ты все-таки передумаешь. И мы тогда помчимся!

– Катайся на моих табуретках, – посоветовала ей Василиса, – три из них пока еще целы, доламывай. Нужно все поменять: табуретки, столы, кровать. Начну с кровати. На ней Забелкин мне изменял! Как я могла об этом забыть?! Завтра же пойдем покупать новый одноместный диван! Нет. Сначала устраюсь на работу, потом куплю диван.

Глава 2

Без мужчин заводятся тараканы

Грузовик петлял по улицам, пыхтя старым мотором и дымя выхлопной трубой. Забелкин, пробежав за ним несколько кварталов, только тогда сообразил, что хотя машина и едет со скоростью, не превышающей сорока километров в час, но бежать за ней глупо и тяжело. У него заколол какой-то орган в правом боку и заудели ноги. Остановить такси было пределом мечтаний Забелкина, но, как назло, ему не попала ни одна машина со знакомыми опознавательными знаками, а тормозить частника – терять драгоценное время. Если он потеряет из виду грузовик, то упустит сумку. Даже то, что он наизусть вызубрил номер машины, не могло спасти его от разорения. Пока он найдет грузовик, ушлые сотрудники организации, куда он приписан, исследуют его кузов и конфискуют драгоценную сумку. Попавшемуся на пути Забелкина велосипедисту-школьнику не повезло. Дядька свалил его на тротуар, забрал велосипед и был таков. Мальчишка заорал и припустил следом.

Догонять грузовик на велосипеде стало гораздо легче. Конечно, со стороны могло показаться странным, что мужчина в роскошном длинном пальто и шляпе отчаянно крутит педали простенького велика ногами в дорогуших туфлях. Но у Забелкина не было времени смотреть по сторонам, его взгляд упирался в кузов грузовика. Тот тем временем, проехав еще несколько кварталов, остановился у металлических ворот, рядом с которыми виднелась табличка с названием организации «ДРСУ-13». Табличка с таким же успехом могла сообщить Забелкину про ПРСУ, ТСРУ и прочее, в подобных организациях он не разбирался. Грузовик издал гудок клаксоном, ворота автоматически раскрылись. Забелкин бросил велосипед и пробежал на территорию предприятия следом за грузовиком. Он беспрепятственно дошел до гаража, куда въехала машина, и остановился, чтобы сориентироваться. В гараже водитель грузовика заглушил мотор, хлопнул дверцей и вышел. Забелкину стало совершенно ясно, что в кузов своей машины он даже не посмотрел. В целях конспирации Забелкин принялся ходить из стороны в сторону, якобы кого-то поджидая. Вышедший водитель, закрывая гараж на замок, поинтересовался, кого тот ждет, и отправил Забелкина по направлению к конторе. Но Забелкин решил проследить за водителем. Тот пошел на проходную, где сдал ключи от гаража, пояснив, что работу на сегодня закончил. Вахтер пожелал ему хорошего отдыха и попрощался с ним до завтра. Забелкин вышел сразу после водителя, пояснив вахтеру, что идет из конторы. Он проследил, как тот заскочил в автобус и уехал, по всей вероятности, домой.

Выкрадывать ключ среди бела дня было бы верхом наглости. Идти к начальству ДРСУ и рассказывать о произошедшем казусе было недальновидно. Забелкин пришел к выводу, что нужно дождаться ночи и действовать бесшумно и быстро. Тем более, как он отметил, замок на дверях гаража был ржавый и хлипкий, висевший больше для отчетности, чем для охраны казенного имущества. Рассуждая, каким образом ему нужно будет попасть на со всех сторон огороженную территорию ДРСУ, Забелкин задумался и не заметил мальчишку, караулившего его у ворот. Велосипед валялся там, где его бросил Забелкин. Парнишка подскочил к Забелкину, крикнул: «Ки-я!» – и врезал ботинком похитителю между ног. Пока Забелкин, согнувшись в три погибели, страдал от нанесенного юным каратистом удара, школьник вскочил на свой велосипед и скрылся из виду.

Сторож Сан Саныч, пожилой мужчина далеко запенсионного возраста, подрабатывал в ДРСУ по ночам. Днем он собирал бутылки и ругался со своей бабкой, не желающей понимать тонкую организацию его чуткой души, требующей частых возлияний. Ночная работа была для него больше, чем работа, она являлась полноценным отдыхом, во время которого Сан Саныч

чувствовал себя хозяином положения. Сегодня у него в гостях сидел сторож с соседнего предприятия, нетвердой рукой разливавший настойку боярышника по граненым стаканам. Оба рассуждали о бренности бытия и чокались за вечную дружбу.

Одетый в черное трико, черный свитер и черную лыжную шапку, из щели которой блестяли его злые глаза, Забелкин пробирался к ДРСУ. Он нес с собой фомку и веревку с крюком, одолженную у друга-альпиниста. Мастерски забросив ее на стену, Забелкин, как кошка, перебрался на другую сторону. Вглядевшись в темноту, он определил место нахождения гаража с вожденным грузовиком и направился к нему. Ловко орудуя фомкой (откуда только появились такие таланты? Видно, сказались гены его прадеда, ловкого мошенника и вора), он открыл ворота...

Сан Саныч услышал скрип, доносящийся с вверенной ему территории, но выходить на улицу из теплого помещения ему жуть как не хотелось. К тому же настойка благополучно закончилась, и гость с тоской вглядывался в этикетку пузыря со стеклоочищающей жидкостью. Стоял вопрос жизни и смерти. Очень хотелось выпить эту дрянь, чуткая душа требовала дальнейших возлияний, и ей было не до скрипов. Сан Саныч взял пузырь из дрожащих рук гостя и поднес к носу. Близорукими глазами он прочитал надпись, гласящую о содержании спирта и о том, что производитель не несет ответственности за применение жидкости не по назначению. После чего махнул рукой и принялся открывать пузырь.

Забелкин проворно залез в кузов грузовика, нащупал свою кожаную сумку, сунул ее за пазуху и прыгнул. Но неудачно. Боль, пронзившая все его тело, была такой острой и нетерпимой, что он заорал нечеловеческим голосом.

Опустошенный стакан дрогнул в руках Сан Саныча. Гость с тревогой поглядел на пузырь.

– Глюки, – решил он, – во как забирает!

– Хороша, зараза, – согласился с ним Сан Саныч, – только что-то орало. Ты не слышал? Тот отрицательно мотнул головой и полез за очередным пузырем.

– Я – пас, – замотал головой Сан Саныч, – а то снова станет мерещиться всякая галиматья.

Пузырь занял свое место на полке.

– Или черт с ней, пусть мерещится, – сдался сторож.

Забелкину было больно передвигаться, не то, что лазить по стенам. Он решил пройти через вахту, сказав, что идет из конторы. Днем это сошло ему с рук, может, сойдет и ночью. Выбора у него не оставалось, боль была настолько сильной, что он боялся потерять сознание. Сейчас он упадет, его найдут только утром. Первым делом опустошат сумку. К этому времени ему будет уже все равно. А предательница Василиса даже не придет к нему на кладбище.

Забелкин прихромал к сторожке, в которой располагалась вахтерная с Сан Санычем, и тихо открыл дверь, надеясь, что его не заметят.

– Глюк! – выдохнул гость, глядя на черный силуэт.

– Нечистый! Изыди, сатана! – отмахнулся Сан Саныч.

Забелкин сразу все понял и решил действовать напролом.

– Пьете, сволочи?! – рявкнул он на пропитушек.

– А ты кто, чтобы нам ук-ук-указывать? – храбро икнул Сан Саныч.

– Белая горячка! – жутким от боли и злости голосом прокричал Забелкин, пробираясь к выходу.

– Мать моя женщина! Белая горячка – вся черная! – прошептал Сан Саныч и рухнул под стол.

Забелкин беспрепятственно вышел на улицу и растворился в темноте.

Добираться пришлось на перекладных. Хоть он снял шапку и постарался выглядеть обычным прохожим, подвозить его никто не хотел. Только после того как он догадался встать под фонарем и вытащить на тусклый свет столонную купюру, рядом с ним остановилась машина. Водитель придирчиво помял купюру в руках и согласился провезти Забелкина до

половины пути. Чтобы проехать другую половину, пришлось действовать подобным образом. Лишившийся двух сотен долларов Забелкин доковылял до родительского крова и упал у двери, успев нажать на кнопку звонка.

Высочившие на шум у дверей родители втащили сына в квартиру и вызвали «Скорую помощь». У Забелкина оказался закрытый перелом ноги. Его срочно транспортировали в больницу. Кожаная сумка осталась лежать под диваном, на котором Забелкин дожидался «Скорой помощи». Но в своих родителях он был уверен на сто процентов. Они никогда бы ничего не взяли из его личных вещей, а тем более денег. Наоборот, они все время старались что-то подкинуть ему. Такова уж родительская сущность. От того, что сумка возвращена ему в целостности и сохранности, как он думал, ему стало намного легче, боль притупилась. Забелкин не собирался долго разлеживаться в больнице. Пока его везли на машине «Скорой помощи», он с ехидной улыбкой на устах обдумывал план мести своей бывшей жене. Дуре, нескладухе, тетехе, которая и стала первопричиной его закрытого перелома.

Василиса между тем устраивалась на работу. Новый образ ей чрезвычайно нравился: каблуки добавляли роста, делая ноги длинными, прическа выделяла из окружающей среды, модный прикид облегал точеную, как выяснилось, фигурку. Многие мужики безрезультатно оглядывались ей вслед. Она оставалась неприступной крепостью, бастионы которой не дрогнули даже перед шефом Алевтины. Высокий стройный брюнет, каждый вечер занимающийся на тренажерах, запал бы сразу в ее сердце, случись эта встреча несколькими годами раньше. Сейчас ей, обремененной тяжким опытом семейной жизни с Забелкиным, все мужчины – и брюнеты, и блондины – казались божьей карой, ниспосланной женщинам. Федор, как он представился, снисходительно улыбнулся растерявшейся Василисе, скромно устроившейся на стуле для претендентов.

– Вас рекомендовала Алевтина Качалкина, наша лучшая сотрудница, у меня нет никакого повода ей не доверять и сомневаться в вашей компетенции, – так начал свою речь шеф. – Тем более что работать вам предстоит под ее руководством. Простите, как вы сказали, вас зовут?

– Вас... Эллис, – ответила Василиса, вспомнив, что договорилась с Алевтиной представляться на работе только так.

– Очень хорошо, Эллис. Я поздравляю вас с новым назначением и желаю творческих успехов на новом поприще. – Федор закончил дежурную фразу и отвернулся к окну, давая понять, что разговор окончен, судьба девушки решена и от него больше ничего не требуется.

Когда она встала и пошла к выходу, Федор повернулся и поглядел ей вслед. «Интересная девчонка, – подумал он, – встретиться она мне пару лет назад, у нас мог бы быть оглушительный роман».

– Поздравляю, – Алевтина поцеловала подругу в щеку, – я его подготовила заранее, но ты сама молодец. Очень хорошо держалась.

И она повела Василису знакомиться с коллективом. Для этого они сначала зашли в магазин и закупили вина и закуски. Как раз приближалось обеденное время. В отделе сдвинули столы и накрыли их приготовленной для таких случаев белой скатертью. Суетились, накрывая стол, все работники отдела. Вместе с их начальницей, Алевтиной, их было трое. И все – женщины. Это очень обрадовало Василису, не желающую иметь ничего общего с мужчинами. Но один мужчина все-таки затесался в их уже практически подружившийся коллектив. Им оказался Боб Кутейкин, забежавший на винный запах. Наглый Кутейкин принялся сразу приставать к Василисе с вопросами, но она быстро надула губки и перестала глядеть в его сторону, общаясь исключительно с женским составом отдела. Кутейкин недоуменно пожал плечами – до этого момента он пользовался бешеным успехом у дам, и такое поведение новенькой его поначалу ошарашило. Но, немного поразмыслив, он решил, что та ведет себя холодно исклю-

чительно из-за того, что скромничает и привыкает к новому коллективу, и дал ей некоторое время на вживание в обстановку.

После того как Кутейкин успокоился и ушел восвояси, Василиса продолжила знакомство с новыми сотрудницами. Самая молодая из них звалась Эллочка. Тут возникло сомнение, настоящее ли это ее имя, или она тоже пользуется на работе псевдонимом. Эллочке было чуть больше двадцати лет, и она, как в свое время Василиса, готовилась совершить свою главную жизненную ошибку – обзавестись гражданским мужем. Василиса решила при случае обязательно рассказать, чем закончился ее печальный опыт. Вторая дама звалась Татьяной, возраст свой тщательно скрывала, но выглядела лет на тридцать. Она тоже пережила неудачный брак и высказывалась о мужчинах крайне резко. Третья была Стеллой (снова кличка?) неопределенного возраста с тремя браками за плечами. Василиса подумала, что вполне могла бы создать в отделе своеобразный клуб женщин-мужененавистниц, если бы картину не портила влюбчивая Алевтина.

– Да, – она, не обращая внимания на общее веселье, висела на телефоне, – согласна с тобой, Пусик. Ты меня подождешь? А где? А во сколько? А если я опоздаю на пять минут? А если на десять? А если на полчаса? Ты будешь ждать меня целый час? Пусик, ты лапа! А если я не приду?

На месте Пусика Василиса давно бы ее убила. Она не знала, кто скрывался под этой ласковой кличкой. У Алевтины все мужчины, с которыми она на данный момент была в близких отношениях, назывались Пусиками. Независимо от возраста, телосложения и пристрастий.

– Что-то давно у тебя не было Пусика, – обратилась она к подруге.

– Ты не представляешь! Сегодня я иду к Федору договариваться насчет тебя, а он стоит у него в приемной и наполняет ее ароматом дорогого парфюма. Весь такой вышколенный.

– Шикарный? – с завистью в голосе произнесла Эллочка.

– Напиться и забыться, – Алевтина хлопнула длинными накрашенными ресницами.

– И к обеду он уже Пусик?! – удивилась Василиса. Лишний раз удостоверюсь в том, что клуба мужененавистниц в отделе под предводительством Алевтины не будет.

А жаль. Василиса бы смогла развернуть бурную деятельность по разъяснению женщинам, насколько вредны для них мужчины. Они бы создали свое феминистское объединение на основе общности взглядов и интересов. Какие, кстати, у них были бы интересы? Василиса, возвращаясь домой, прикидывала, что бы они могли еще делать в своем клубе, помимо промывания женских мозгов.

Работу сегодня никакую ей так и не дали. А вот завтра уже нужно было развезти несколько счетов-фактур по филиалам. Василиса, когда уходила под дружеские прощания сотрудниц, видела приготовленные для нее пакеты с документами. Ей хотелось все кинуть и окунуться в работу, показать, какая она целеустремленная и обязательная. Великая труженица, засидевшаяся дома. Ей по плечу любая работа, и не только курьера. Она бы многое могла делать на благо общества и себя. Невостребованность клокотала в ней очнувшимся вулканом и спешила вырваться наружу.

Василиса, прекрасно готовившая Забелкину, его гостям и родственникам, принципиально накупила в магазине полуфабрикатов. Теперь ей, работающей даме, некогда возиться у кухонной плиты, по несколько часов в день выкидывая из своей жизни на варку борща и тушение мяса. Сегодня она поджарит эти котлеты за десять минут и будет валяться на кровати. Нет, она станет валяться на новом диване. Они с Алевтиной вечером пойдут его покупать.

– Этот? Или тот? Ой, гляди, какой миленький диванчик в крапинку! – Прыгала по мебельному магазину Алевтина. Она торопилась с покупкой, через час ее поджидал кавалер.

– Дорого, – не соглашалась Василиса, разглядывая один диван. – Слишком аляписто, – ей не нравился и другой.

– На тебя, моя дорогая подруга, не угодишь, – Алевтина перепрыгивала на очередной.

Она все проверяла на прочность. Колготки, диваны, отношения.

– Если я опоздаю на полчаса, – рассуждала она, покачиваясь на мягкой мебели, – он дождется или уйдет? Если дождется, у нас с ним все получится, а не дождется, то пусть пеняет на себя. Возьми этот, Василиса, на нем хорошо думается.

– Мне почему-то нравится тот, – Василиса указала на пухлую софу, обложенную подушками. – Маленький, аккуратный, свернусь калачиком...

– Какие калачики! – Возмутилась Алевтина и вздохнула – получасом тут не обойтись. – Зачем тебе эта собачья софа?

– Вам для собачки? – Рядом с ними тут же возник продавец, перепутавший подруг с состоятельными клиентками. – Очень качественный товар. Собачья шерсть не пристает к обивке, отскакивает, как блоха от пылесоса. К этой софе у нас прилагается бесплатная доставка. Мы работаем в контакте с фирмой «Эх, прокачу!», софу доставят вам сегодня же вечером. Другие модели придется пару дней подождать.

Василиса решила, что сама судьба посылает ей эту пухлую мебелировку в квартиру. Она на всякий случай присела на софу, мягко провалившись в ее бархатные внутренности, и встала очень довольная. Алевтина еще раз вздохнула и, подумав, что нет худа без добра – на свидание она почти не опоздает, – пошла оплачивать покупку.

Дома Василиса принялась освобождать для обновки место. Пришлось вытащить кровать в центр спальни. Василиса разобрала ее по частям: матрас перебазировался к балкону, каркас остался посередине. Для того чтобы разобрать его на составляющие, требовались мужские руки. Василиса нашла в ящике с инструментами отвертку и попыталась разобрать с ним сама. Неожиданно она заметила под стеганым одеялом, закрывающим пружины, какие-то журналы. Она выудила на божий свет несколько экземпляров глянцевого производства, пестреющей полуголыми и совершенно голыми девицами. Негодяй Забелкин тайком от нее развлекал себя низкопробным чтивом, а она все это время безрезультатно пыталась уговорить его прочесть Достоевского! Василиса откинула журналы в сторону и с остервенением принялась орудовать инструментом.

Злость ей не помогла. Наоборот, там, где требовалось терпение и упорство, даже повредила. Через пару часов Василиса откинула отвертку и взялась за молоток. Она решила избавиться от проблемы кардинальным образом – разрушить до основания бывшее семейное ложе, чтобы на его месте установить новое – свое личное. Когда она долбила по последней перекладине, отсоединяя ее от предпоследней, в дверь позвонили. На пороге стоял приятный мужчина в синем комбинезоне, на котором большими буквами было написано, что он из фирмы «Эх, прокачу!».

– Мебель заказывали? – поинтересовался он.

– Заносите! – обрадовалась Василиса.

– Распишитесь, – он протянул ей листок с ручкой. Та поставила размашистую закорючку и распахнула дверь шире.

– Пардон, мадам, – сказал мужчина, – бесплатная доставка – только до подъезда. Будьте любезны спуститься и забрать заказ внизу.

Такого поворота событий Василиса совершенно не ожидала. Что значит «спуститься и забрать», она не понимала. Он, что, путает ее софу с мешком картошки? Да она и мешок-то не поднимет, не то что целый диван, пусть даже и одноместный! Сбежав по лестнице следом за мужчиной, она как вкопанная остановилась на улице перед своим диванчиком, одиноко стоящим у подъезда. Вежливый сотрудник фирмы «Эх, прокачу!», видимо, опасаясь дальнейшего разбирательства, заскочил в машину, где за рулем сидел водитель. Они дали по газам и рванули с места.

– Пойдите! – закричала им вслед Василиса. – Помогите, я заплачу! Вас же двое!

Машина даже не притормозила. Такой сервис Василиса получала впервые. Но что можно было ожидать от двух мужиков, пусть даже и вежливых?! Вот если бы на их месте была женщина. А она и есть на их месте. Теперь ей придется самой поднимать эту софу. Василиса приподняла одну ножку, та легко оторвалась от тротуара. Вторая также не потребовала особого усилия. Но одновременно все четыре были неподъемными. Василиса, повозившись несколько минут, за которые смогла пропихнуть диван на пару сантиметров ближе к подъезду, села на него и собралась плакать. Она всегда так делала, пока жила с Забелкиным. Но теперь она самостоятельная, сильная женщина! Василиса решительно поднялась и пошла навстречу старушке, прогуливающейся по двору. Методом уговора – а наплела она черт знает что – усадила ее караулить новую софу, а сама побежала звонить Алевтине.

– Раиса Егоровна, неужели новый диван купила?! – соседка-пенсионерка собиралась обрадоваться за подругу.

– Что ты, Николаевна, – смущенно призналась та, – домоуправление презентовало. Вместе деревянных лавочек. Теперича у каждого подъезда по такой софе поставят.

– А почему с твоего начали? Несправедливо. Ты посидела, отдохнула, так, может, и другим хочется?!

Василиса позвонила Алевтине как раз вовремя. Та вошла в квартиру и успела только включить свет.

– Пусик такой лапусик, – начала она признаваться в телефонную трубку.

– Постой, Алевтина! – кричала Василиса. – Бесплатная доставка доставила только до подъезда!

Пока подруга путано объясняла, что ее новая софа с бесхозной старушкой стоит на улице, Алевтина любовалась доберманшей Маруськой, на мощной груди которой висели три медали. Совершенно не было заметно, что одна из них вовсе не медаль, а похожая на награду монета. Алевтина послала доберманше воздушный поцелуй и пообещала Василисе приехать и помочь.

После разговора с подругой Василиса выскочила на улицу. Ни старушки, ни новой софы у подъезда не было. Она стояла у другого подъезда, и на ней сидели уже две старушки. Как эти две хилые женщины преклонного возраста смогли перетащить неподъемную софу, Василиса даже не смогла себе представить! Она направилась к ним, чтобы арендовать их рабочую силу, но те, как только узнали, что это вовсе не халявное место отдыха для дворовой общности, сразу заторопились домой. Теперь Василисе предстояло караулить свою софу у чужого подъезда. Она возлагала большие надежды на Алевтину – две молодые, полные сил женщины ничуть не хуже двух старушек.

Оказалось, что хуже. У старушек, по крайней мере, не было маникюра, у Алевтины на длинющих ногтях он был. И когда один из них она сломала, силиться приподнять тяжелую мебель, ее энтузиазм в деле помощи подруге сошел на нет.

Алевтина и Василиса уселись на софу и задумались. Начинал накрапывать мелкий противный дождик, заметно потемнело, двор полностью опустел. У Василисы складывалось впечатление, что даже кошки, не желая участвовать в подъеме тяжестей, заныкали в кустах.

От тяжелых раздумий их оторвал приветливый голос:

– Привет, девчонки! – над ними стоял Андрей Степанов. Василиса сразу вспомнила, что ее бывший одноклассник как раз живет в этом самом подъезде. – О чем скучаем?

Перед ней сразу встала дилемма: воспользоваться его мужской силой или нет? Василиса шепнула об этом Алевтине, та сразу закивала ей в ответ, мол, он такой сексуальный, наверняка у него такая мужская сила... Андрей догадался сам:

– У вас что, была бесплатная доставка?

Василиса обреченно качнула головой.

– Нет проблем, – обнадежил ее Степанов.

И она, скрипя душой, говорила себе, что в последний-распоследний раз воспользовалась мужчиной для поднятия тяжести. Конечно, он не стал поднимать софу один, сбегал за соседом, договорился об оплате. Сам, кстати, от денежного вознаграждения отказался, но напросился на чай.

Когда вожденная софа оказалась у нее в спальне, Василиса все-таки прослезилась. И похвалила себя, что на этот раз, первый и самый ответственный, обошлась без Забелкина. Пусть ей помог мужчина, но разве бывший одноклассник Андрей Степанов, который был в нее влюблен в пятом классе, может считаться мужчиной? Нет, конечно, хотя с этим делом у него все было в порядке. Женщинам он нравился, и даже очень. Василиса часто замечала их заинтересованные взгляды. Просто она не воспринимала его как мужчину. Он был ее одноклассником, и этим все было сказано. Так что в какой-то степени она оставалась той же мужененавистницей. Алевтина, озабоченная своим новым знакомством, также не уделяла Степанову много внимания.

Андрей не стал долго засиживаться. После того как в спальне он обнаружил разбросанные журналы определенного характера, настроение его ухудшилось. Такого он не ожидал. Нетрадиционная ориентация сбивала его с толку. А он так обрадовался их встрече! Как часто он оглядывался Василисе вслед, ловил ее взгляд, был готов целовать ее следы! И что? Может, он в чем-то ошибся? Такая женщина не может быть порочной. Возможно, и журналы не ее. И то, что она им не заинтересовалась, ничего не говорит. Это он привык, чтобы его замечали все и всюду. А она необыкновенная, она не заметила сразу. Возможно, разглядит потом. У него еще будет шанс, это он себе обеспечит. И кто знает, чем все обернется?

Василиса лежала на софе в полной темноте и думала. Софа располагала к размышлениям и разного рода упражнениям ума. Вариации на тему «Что было бы, если бы да кабы» лезли в голову при каждом удобном случае. Вот сегодня она встретила Андрея Степанова. Хороший парень, они вместе сидели за одной партой. Она списывала у него ответы по математике, а он при этом задумчиво глядел на нее. Но тогда эта задумчивость не считалась любовью. Выразить чувства было принято по-другому. Треснул портфелем по голове – да, вот это – любовь, тяжелая, проникновенная. Или подножку подставил, и ты со всего маху закатилась под лестницу к ведрам и швабрам, – вот это чувства. Даже приглашенные по этому поводу в школу родители сочувственно кивают: что делать, он в нее влюблен. Мальчикам на Руси в генах заложено, что бить девочку (читай – жену) – значит проявлять свои истинные чувства. Вот они и рады стараться, лупят, признаваясь в любви. А Степанов ей так и не признался, что-то мямлил, непонятно о чем говорил, вспоминал луну со звездами, после чего покраснел и убежал. Странная история далекого детства. Вспомнилась только потому, что сегодня он попался ей на глаза. Столько лет не попадался, хотя и жил рядом, а сегодня, как нарочно, когда Василиса решила завязать с мужским полом, взял и вылетел из своего гнезда. Кстати, он так и не женился.

Василиса вздохнула, натянула на себя одеяло и перевернулась на другой бок. Она не сразу поняла, что случилось. Попа ударила о что-то колкое и жесткое, одеяло исчезло... Она упала на свои тапочки, подшитые грубым искусственным мехом. Натуральные из овчины гражданская жена Забелкина не могла себе позволить – Забелкин разделался бы с ней, как с той овцой, из которых их сшили. Василиса, кряхтя, поднялась с пола и нащупала рукой софу. Миленькая, маленькая, одноместная. Ничего, что с непривычки она пока с этой софы падает. Привыкнет, стерпится – слюбится. И что ей сегодня думается только про любовь? Хотя в данном случае это вполне безобидное чувство к диванчику, такому маленькому, одноместному... Черт бы ее побрал с этим самым мужененавистничеством! Лежала бы сейчас на двуспальной кровати и не падала. Останки кровати были сложены на балконе и просвечивали сквозь стекло, в которое попадал свет от уличного фонаря.

Василиса вспомнила, что на этой кровати подлец Забелкин изменял ей с другими женщинами, и снова обрела былую уверенность в том, что никто из мужчин ей больше не нужен.

Она станет самостоятельной и самодостаточной. И первые шаги к этому она уже сделала – устроилась на работу. Завтра она покажет всем, как нужно работать: бодро, с огоньком, чтобы в руках все горело. Кстати, а не попробовать ли ей закурить? Она придет в отдел вся такая деловая, в кожаной куртке модного покроя в стиле милитари, которую они купили с Алевтиной, вытащит из кармана сигареты, у Забелкина на кухне где-то припрятаны, и закурит. Мол, давайте мне работу, много работы, я готова.

Василиса забылась и снова перевернулась на бок. Попа ощутила знакомую колкость дешевых тапок. Не отвлекаться, не обращать внимания на мелочи. Василиса заползла на софу и нырнула под одеяло. Через несколько лет она сделает карьеру. Нет, карьерой нужно заниматься раньше. А какой? Подсидеть Алевтину и стать начальницей отдела? На такое она не способна, значит, карьера отпадает. Тогда она заведет ребенка. Ах, ну да. Без мужчин заводятся только тараканы. Для того чтобы завести ребенка, нужен самец. Сколько там еще осталось из забелкинских капиталов? Необходимо будет поинтересоваться у Алевтины. Она сделает себе искусственное оплодотворение, то есть сама выберет отца для своего ребенка. Родится чудесный мальчик... Стоп! Она хочет девочку. Сколько нужно денег для того, чтобы родилась именно девочка? Наверняка гораздо меньше, чем на мальчика. Алевтина купила свою доберманшу-девочку на сто долларов дешевле добермана-мальчика. В любом случае она не станет мелочиться. Родится девочка, будет называть ее мамой, а потом поинтересуется, где же папа. Придется сказать, что он героически погиб, выполняя ответственное задание государственной важности на Северном полюсе. Банально, девочка не поверит. Когда вырастет, точно не поверит. Лучше не рожать.

Василиса еще раз вздохнула и собралась повернуться на бок, но вовремя одумалась. Легла на спину и затихла. Она представила себя в купе скорого поезда, такого длинного экспресса Воркута – Москва, где люди лежат на узких полках дни и ночи напролет. Она привыкнет к новой софе, к другой жизни, к работе. Вот только завтра нужно будет зайти в обувной магазин и купить себе те тапки с теплой овечьей опушкой, которые она приглядела, еще будучи замужем за Забелкиным. В душе Василисы что-то кольнуло, напомнив о том, что эти тапки, как и все остальное, она купит на конфискованные деньги бывшего сожителя. Василиса вступила в спор со своей совестью и усмирила ее только тем, что пообещала ей: как только разбогатеет, все до самого последнего евро и доллара Забелкину вернет. А сколько придется возвращать? Она даже не поинтересовалась у Алевтины. А если она никогда не разбогатеет и станет жить как большинство на одну зарплату? Как она будет возвращать? По центу в месяц всю жизнь? Василиса мысленно простила с тапками и повернулась на бок... Бум! Нет, на тапках экономить она не станет. Уже сэкономила на софе.

Глава 3

Клады купюры в ридикюль

Толком выспаться на новом месте не удалось. Об этом свидетельствовала отметина от складок подушки на левой щеке. Василиса попыталась от нее избавиться, судорожно растирая лицо ладонью. Но отметина от подушки проявлялась с новой силой. «Ладно, так даже лучше, – решила она, – шрамы должны украшать женщин-феминисток. Пусть видят, что я веду непримиримую борьбу за свободу женских идеалов». Василиса облачилась в строгие черные брюки, накинула темную кожаную куртку и потянулась за своей черной сумкой. «Если бы не радуга на волосах, вполне сошла бы за Черную Вдову», – подумала она, вспомнив знаменитое насекомое, высасывающее у самцов кровь после любовных игр.

Она вошла в офис упругой походкой уверенной в себе женщины, издалека увидела Федора и мимоходом кивнула ему. Тот внимательно проводил Василису взглядом. Она почувствовала это затылком. Женщины, когда им вслед глядят мужчины, этим местом ловят их заинтересованный взгляд. На самом деле именно на затылке должен находиться пресловутый третий глаз, этакая связь с космосом, первоизданным миром и самцами. Здесь – самое чуткое нервное окончание. Но Василиса не нервничала. С чего бы ей нервничать? Она не собирается охмурять Федора, он интересует ее только как начальник, босс, не более того. Хотя он очень приятный молодой человек, наверняка женат, имеет троих детей и разводиться не собирается. До чего же все-таки сильно влияние Алевтины! Василиса не должна даже думать о таких вещах. Нужно подумать о работе. Василиса нащупала в кармане куртки найденные в кухонном шкафу сигареты бывшего мужа и толкнула дверь в отдел.

– Привет, девчонки! – Она облокотилась на дверной косяк, как это делал Забелкин, когда хотел ей что-то доказать, и вытащила сигарету с зажигалкой. – Процесс идет, контора пишет? – Василиса затянулась, и колечки дыма поплыли перед изумленными дамами и Кутейкиным, который специально пришел пораньше, чтобы увидеть Василису.

– Ты что?! – Возмутилась подбежавшая к ней Алевтина. – У нас для курения отведено специальное место! Брось сейчас же сигарету!

– И это вместо «...и тебе приятного рабочего дня», – обронила с досадой Василиса и бросила сигарету в мусорную корзину.

Та тотчас запылала сине-красным пламенем. Бумаги в ней горели легко и весело, дым, уже не колечками, а выхлопами стал заполнять кабинет. Раздались визги и крики «Горим!», Кутейкин кинулся к окну, открыл его. В комнату ворвался сквозняк, который раздул пламя еще больше. Оно перекинулось на близлежащий стол.

– Квартальный отчет! – заорала Алевтина и бросилась спасать бумаги.

Кутейкин вскочил на подоконник и поглядел вниз. Прыгать он не стал – или испугался еще больше, или не успел. Подоспевший с конфискованным у уборщицы ведром воды Федор спас корзину и отчет.

– Что тут у вас случилось?! – он повернулся к Алевтине.

Алевтина, не желая выдавать подругу, развела руками. Василиса решила, что она не станет бояться представителя мужского пола, юлить перед ним и оправдываться. Она сказала просто:

– Я работать начала. С огоньком.

– С почином вас, Эллис, – буркнул Федор, достал платок и сунул ей в руки.

После этого он нахмурился и пошел к выходу. Василиса кисло поглядела ему вслед. Почувствовал ли он это затылком? Скорее всего, нет. Мужчины – толстокожие создания, третий глаз у них полностью недоразвит или близорук.

Василиса воспользовалась платком начальника и стала стирать сажу с лица. Сейчас она была похожа на атаманшу-разбойницу: шрам, копоть и ярко-красная помада. Зачем она накрасила губы так ярко? К саже вполне бы подошел более блеклый цвет.

– Когда ты начала курить? – поинтересовалась Алевтина, вытирая воду со своего стола.

– Сегодня, – вздохнула Василиса, – бросила тоже сегодня. Можешь передать ему, – она указала кивком на дверь, которую только что с обратной стороны закрыл Федор, – пожаров больше не будет.

– Ну почему же? – Кутейкин спрыгнул с подоконника. – А лично мне понравилось.

Эллочка глупо захихикала.

– Я серьезно, – вкрадчивым голосом насаждал свое мнение Кутейкин, – мне очень понравилось. – Он выразительно поглядел на Василису. – Эллис, вы придали мне такой заряд бодрости!

Он попытался сделать пару шагов в ее сторону. Василиса отвернулась.

– Итак, – заявила она, совершенно не обращая на Боба Кутейкина никакого внимания, – что я должна сегодня еще сделать?!

– Вы и так уже много для нас сделали, – сказал уязвленный невниманием Кутейкин, направляющийся к двери, – пожар, потоп... Еще парочку землетрясений, и вы свободны.

Под дружный хохот довольных шуткой сотрудниц Алевтина сунула в руки Василисы пакеты и стала объяснять, где какой из филиалов находится. На всякий случай она написала на бумажке адреса. Василиса взяла бумажку, сунула ее в карман и с гордым видом удалилась, пообещав сотрудницам обязательно вернуться. Те вздрогнули и натянуто улыбнулись. Алевтина поглядела на нее сочувственным взглядом и бросила пару слов в ее защиту:

– Девчонки, она сегодня просто не выспалась! Обычно Эллис совсем другая: тихая, спокойная...

– В тихом омуте, Алечка, – заметила Татьяна, – черт-те что водится.

– Черти водятся, черти, а не черт-те что, – обрадовалась Эллочка. – Честное слово, она мне нравится! – заявила она, когда за Василисой закрылась дверь. – Как она на Федора!

– Как? – не поняла Татьяна.

– В том-то и дело, что никак! Я бы так не смогла.

В автобусе была сильная давка. Одна общественная транспортная единица сошла с рейса по причине поломки двигателя, и среди пассажиров сразу же возникла давка. Василису давили со всех сторон. Она крепко прижала к себе сумку с пакетами и стойко принимала удары судьбы. Но вместе с ударами она неожиданно почувствовала на себе чьи-то потные лапы. Она поглядела на соседа, дышащего ей под мышку, – подвыпивший мужичок тщетно пытался ущипнуть ее за бок. Его подводила нечеткая координация движений и тряска. Василиса, прилагая невероятные усилия, освободила одну руку и дала ею затрещину нахалу. Тот оскорбился, что его домогательства пришили Василисе не по вкусу, и принялся орать на весь автобус, что она лесбиянка. Законченная, на которой негде ставить пробы!

– Нормальным мужикам, – агитировал он на весь салон, – деваться некуда! Куда ни ткни пальцем – одни лесбиянки и феминистки! Потом все удивляются, отчего рушатся семьи. Вот от того самого и рушатся!

Народ стал недовольно озираться на Василису.

– Небось разведенная! – продолжал мужик. – Пальцем ее не тронь. Цаца какая нашлась. Замужняя баба все бы стерпела, она и не к такому привыкшая. Ездят тут всякие брошенки!

– Ох, от них спасения нет! – поддержала его одна старушка. – У меня и внучка в лесбиянки пошла. Что делается, люди добрые!

– Сколько можно повторять! Да не в лесбиянки, мама, а в лингвистики!

– Какая разница, – возмущалась старушка с мужиком на пару, подзуживая остальных, – все они одним миром мазаны.

Василиса поняла, что через пару остановок над ней устроят суд Линча, не стала дожидаться и заработала локтями к выходу. «Да, – подумала она, – в нашей стране нелегко приходится женщинам нетрадиционной ориентации и разведенным дамам». Ее кольнула оброненная мужичком фраза о том, что она – брошенка. Как только он догадался? На ней что, это написано большими буквами? Может, на том месте, где ей не видно? Василиса подошла в витрине магазина и повернула к ней свою спину. Ничего нет, кроме вполне приличной фигуры, которую действительно есть за что ущипнуть. Что же, теперь всем подряд позволять себя щипать? Что она, суповая курица?

С такими мыслями она протопала пару кварталов. У многоэтажки, где располагались офисы, Василиса остановилась. Она решила удостовериться, что это именно тот дом, который ей был нужен. Она полезла в карман, но бумажки с адресами не обнаружила. Что теперь делать? Звонить Алевтине и признаваться, что она Маша-растеряша? Вот уж как обрадуется ее очередному промаху Кутейкин! Как он начнет трезвонить на каждом углу, что она глупая, ничемная работница. Тетеха и дура набитая. Нет, звонить она не станет. Это она сделает только в крайнем случае. Что-то же она должна помнить из того, что ей говорила Алевтина? Бумажка была лишь шпаргалкой. Конечно, жалко, что она выпала или ее вытащили в автобусной давке, хорошо, что сумка с пакетами цела...

Пакеты – те же самые конверты, только большие и без марок. Но на них что-то написано! Василиса залезла в сумку и достала один из них. Действительно, на них написаны адреса! Она зря волновалась. Василиса сверила улицу и номер дома. Офис оказался не в многоэтажке, а рядом с ней, в маленьком, на первый взгляд совершенно необитаемом, доме.

– Что, трудоголики, не ждали?! – Она добродушно приветствовала сидящего в кабинете бугая, вместо которого ожидала увидеть менее агрессивную личность, и осеклась, – я Василиса, из главного. Вам – счет-фактура к оплате.

– От главного? – бугай сощурил глаза. – Василиса, говоришь. Ну, и сколько нужно? – Он взгляделся в цифры на бумаге с гербовой печатью, перевернул ее другой стороной. – Это в чем? В долларах? – Василиса пожалала плечами. Он открыл сейф и принялся отсчитывать купюры, – держи счет, коза. Хороша твоя фактура, заглядывай на огонек.

«Надо же, – подумала Василиса, – и этот уже знает про пожар, издевается, небось, позвонили, предупредили...»

– Клади купюры в ридикюль, будет не так заметно, – посоветовал бугай Василисе, глядя, как она рассовывает пачки по карманам. – Скажи шефу, остальное после получения товара.

И он, игриво улыбаясь и дыша перегаром, ущипнул Василису за бок. Что можно было ожидать от бугая? Василису так перекосило, что тот резко отдернул руку и сделал вид, что ничего не произошло. Та не стала с ним объясняться, а решила, что в следующий раз ни в коем случае не приблизится к нему ближе, чем на пару метров. В следующий раз она встанет у двери, за которой спрячет часть своего тела, и оттуда протянет бугаю документы. Потом кинет сумку, кивком головы укажет, что в нее следует сложить всю сумму и кинуть ей обратно. В каком-то кино она видела подобную сцену. Правда, там таким образом грабили банк. Нелегко приходится грабителям и курьерам.

В очередной офис, адрес которого был указан на втором конверте, Василиса так и вошла – одним боком, оставив другой в коридоре. Вместо бугая там сидела очаровательная секретарша и махала длинными ресницами. Василиса прикинула, на что та могла быть способна, – девица казалась совершенно безобидной. Но за соседней дверью непонятно кто находился, оттуда слышались грубые мужские голоса. Василиса не стала рисковать и бросила девице сумку.

– Бери, там пакет со счетом, – приказала она ей, – я Вас... Эллис из главного офиса.

Секретарша изумленно махнула ресницами и углубилась в сумку.

– О! – Она вытащила пачку зеленых банкнот.

– Чего «о»?! – поторопила ее Василиса. – Клади такие же!

– А? – девица использовала в своем лексиконе одни междометия.

– Чего «а»? – возмущалась Василиса, понимая, что сейчас из соседнего кабинета выйдет очередной бугай и начнет ее щипать. Она поняла, что мужчины сегодня стоворились, у них сегодня праздник такой – День щипачей, а она – жертва их хмельного безумия. – Клади то, что по счету полагается!

Девица вытаращила глаза:

– У нас не полагается наличкой, – пролепетала она, – у нас безналичные расчеты с поставщиками.

Василиса решила не тратить с ней даром время. Возможно, Алевтина ее забыла предупредить, у кого следует собирать деньги, а у кого нет. Алевтина сказала, что нужно только разнести документы. Она и разнесет. В очередном офисе также отказались заплатить наличными. Вместо разукрашенной секретарши там восседала серьезная пожилая дама, которой Василиса сразу поверила. Нельзя так нельзя. Она и не настаивает.

– Все! – Довольная Василиса кинула сумку на стол Алевтины. – Разнесла по всем трем адресам.

– Молодчина, Эллис, – обрадовалась та за подругу, – завтра съездишь еще в парочку офисов, а там можно сделать перерыв.

– Куда деньги сдавать? – небрежно поинтересовалась Василиса, открывая сумку.

Алевтина заглянула туда и медленно осела за свой начальственный стол.

– Ты что, – зашипела она Василисе, – ограбила какого-то олигарха?! Я надеюсь, страна не лишилась героя бизнеса. – Некоторое время она оторопело глядела в открытую сумку, видно, подсчитывая, сколько там лежит, после чего вскочила со стула и поволокла Василису в коридор, прихватив деньги с собой. – Где ты это взяла?! Где ты их взяла?! Где ты столько взяла?!

– Тебя что, заело? – Василиса не поняла, почему сердится подруга. – Ты сказала, чтобы я съездила по адресам и развезла счета-фактуры. Я съездила и развезла.

– Но откуда деньги?!

– Они заплатили наличкой. Понимаешь, у некоторых безналичный расчет с поставщиками, а этот сразу дал наличными. И сказал, что даст еще.

Алевтина схватилась за голову. Ясно, что ее подруга впуталась в историю. Ну, где могли раздавать тысячи долларов? В каком благотворительном фонде могли дать этой дурехе такие деньжищи? Алевтина поглядела на Василису. Вид вполне приличный, даже привлекательный, симпатичная деваха, не испорченная образованием... А! Они ее купили! Теперь ее обяжут работать на сутенера! Сколько же ей отрабатывать такую сумму?

– Где ты была? Ты подписывала там какой-нибудь документ?

Василиса мотнула головой. Она честно рассказала подруге, что потеряла бумажку с адресами и пошла сначала по памяти, потом по надписанным на пакетах улицам. Сразу нашла все три офиса, отдала пакеты, в одном какой-то бугай дал ей эти деньги. И пообещал, что добавит еще. Василиса догадалась, что сделала что-то не так, но обиженно надулась.

– Какой бугай, как он выглядит? – Алевтина поняла, что подруга попросту зашла не в ту контору.

– Ты прекрасно знаешь, – ерепенилась Василиса, – что я принципиально не разглядываю мужчин. Они меня интересуют как объекты работы, а не как личности.

– Заинтересуешься, – сказала Алевтина, – когда один такой объект начнет душить тебя в темном переулке и требовать свою наличность.

У Василисы защекотало в правом боку, как раз там, где ее касались пальцы бугая. Ей стало, как написали бы в дамских романах, весьма дурно. Но она не стала падать в обморок – это смешно бы смотрелось со стороны, где-то там маячил Федор, а просто вяло поинтересовалась:

– И что теперь делать?

– Вернуть назад! – недолго думая, решила Алевтина. – Нам вполне хватит денег Забелкина. По крайней мере, он душить не станет. Хотя, кто знает, может, убьет сразу.

Разборки затягивались. Мотя не признавался, куда девал десять тысяч зеленых. Вместо того чтобы честно сказать, что проиграл их в своем любимом казино, он плел какую-то историю о наглой девице, заявившейся к нему среди бела дня в офис и сказавшей пароль.

– Что, – орал на Мотю шеф, – она так и сказала: «Что, сволочи, не ждали?!» Она так и сказала?! Откуда она узнала пароль?!

Мотя разводил волосатыми руками и в который раз корил себя за легкомыслие. Вместо того чтобы щипать девицу, нужно было с ней ближе познакомиться. А то эта наглая фурия сделала вид, что возмущена, и выскочила за дверь, а он не успел даже спросить, как ее зовут.

– А! – вспомнил Мотя. – Она сама сказала, что ее зовут Василиса!

– Фуфло толкаешь, – злился шеф, – это не Василиса, а Василий должен был прийти к тебе в офис среди бела дня, пнуть ногой дверь и сказать пароль: «Что, сволочи, не ждали?!» И ты должен был ему, а не какой-то мифической Василисе, отдать десять косарей.

– Она пришла, пнула и сказала. – Мотина рука, нервно подергиваясь, наткнулась на пакет. – Вот! Она принесла с собой этот пакет, а там был счет! – В его руках действительно оказалась бумажка с печатью.

Шеф взял листок и внимательно прочел. Глаза его лукаво заискрились, как у кота, увидевшего рядом с собой откормленную аппетитную мышь.

– Правду говоришь? Это ее фирма? И зовут ее Василий, тьфу, Василиса. Если так, то дело не стоит выеденного яйца! Если сегодня твоя Василиса не вернет деньги, – шеф красноречиво резанул воздух у своего горла. Мотя подобострастно кивнул головой.

В этот момент дверь распахнулась от удара ноги. В комнату ворвалась раскрасневшаяся Василиса и с криком: «Что, сволочи, не ждали?!» – бросила на Мотин стол пакет с деньгами. Пока ошарашенные неожиданным визитом мужчины соображали, что делать, Василиса вырвала из рук шефа счет, отскочила назад и выбежала на улицу.

– Что это было? – прохрипел шеф сдавленным от испуга голосом.

– Эта, как ее там, Василиса! – Мотя развернул пакет, там лежали его деньги. – А ты не верил. Я же сказал: пришла, пнула, сказала пароль.

– Да, – шеф почесал лоб, – конкуренты не дремлют. Нужно найти эту Василису и проследить за ней. С кем поддерживает связь, кто ее послал. И проверь все «жучки» в этой комнате! Какая оперативность. Только поговорили, а они уже действуют. Только почему так странно?

– Ну, и как? – поинтересовалась, переминаясь с ноги на ногу, замерзшая Алевтина. – Как он тебя встретил? Обрадовался? Поблагодарил, что ты ему все вернула? Задушил в объятьях?

– Еще чего, – отмахнулась Василиса, – дала бы я ему себя душить. Ты же знаешь, я мужчин игнорирую. Я так перепугалась – там еще один такой же бугай был, – что заорала первое, что пришло в голову. Как раз то, что кричал обычно Забелкин, когда возвращался под утро с очередной презентации.

– Подействовало? – участливо спросила подруга.

– Еще как, – засмеялась Василиса, позволившая себе немного расслабиться, – стояли как парализованные. Бандиты какие-то, честное слово. И как только я могла их перепутать с нашими сотрудниками?

– Ничего, ничего, – милостиво ответила Алевтина-начальница, – первый блин всегда комом. Первый рабочий блин, то есть день, комом.

– У меня теперь все впервые: работа, внешность, диван. Правда, в нем одни комки, – рассуждала Василиса. – Хотя... нет. Внешность действительно подействовала. Не на Федора, а в большей степени на меня саму. Я себе, Алька, очень нравлюсь. Уверенность появилась в своих силах, упорство в достижении цели, наглость. И чего я раньше сидела клушей?!

Не ходите, девки, замуж рано. Зачем вешать на себя хомут? Чтобы каждый день стирать его рубашки, от которых за версту несет свежестью туалетной воды а-ля морской бриз и потного тела вперемешку? Будто он специально потел у моря. Лучше вместо этого полежать на диванчике с занимательной книжкой-антидепрессантом в руках и посмеяться над похождениями незадачливой искательницы приключений. Василиса вздохнула, вспомнив про маленькую софу, на которой ей теперь придется лежать вечерами. Следом за ней перед ее глазами проплыли мягкие тапочки из овечьей шкурки. И она потянула приятельницу в заветный магазин. Алевтина сопротивляться не стала. Напротив, она предложила купить не тапки, а сапоги-ботфорты, пару туфель для вечеринок и одни босоножки для пляжных прогулок. Слушать возражения Василисы по поводу того, что до пляжных прогулок впереди еще минимум полгода, она не стала и потянула ее к разноцветному прилавку. Как сорока, Алевтина кинулась на золотые босоножки, состоящие из пары ремешков, утыканных стразами.

– Бери, не пожалеешь, – советовала она Василисе, – новогодние праздники поедом отмечать на Гаити, Таити или Гваделупу какую-нибудь!

– Может, в Крым? Там более спокойная обстановка. И вообще, до Нового года еще дожить нужно. Учитывая сложившиеся обстоятельства, у меня мало шансов. Забелкин, – и она кивком головы указала на Алевтинину сумку, – мне не простит растраты собственных сбережений. Куплю одни тапки и останусь дома.

– Полчаса назад ты сетовала на то, что отсидела клушей столько лет?! Где твоя намеченная линия поведения? Где начало новой жизни? Снова собралась кудахтать?! Девушка! – Алевтина обратилась к высоченной продавщице. – Какие у вас тут самые дорогие туфли?!

Продавщица в образе довольного жирафа поплыла к ним.

– Вам на какой случай? Если для торжественного бракосочетания, то белый цвет сегодня не моден. Обратите внимание на цвет шампанского...

– Еще чего?! – возмутилась Василиса. – При чем тут я и бракосочетание? У меня, девушка, бракоразведение. Поэтому лично мне тапочки!

– Одноразовые и белые, – съязвила Алевтина, – и она похоронит себя на новой софе.

Но Василиса уже отыскала то, что хотела. Она стояла, крепко прижимая мягкие овечьи шкурки к своему трепетавшему от вожделения телу. Она купит именно их!

– Дайте две пары! – неожиданно заявила Василиса.

– Это бунт против Забелкина, – резюмировала Алевтина, – уважаю. Кстати, забыла тебе сказать, у нас в офисе принято иметь сменную обувь. Тебе ведь придется не только мотаться по филиалам, но и разносить документы по этажам. Федор очень не любит грязных следов на ламинате. – Она подвела притихшую Василису к черным замшевым туфлям с огромной стеклянной пряжкой. Судя по цене, пряжка была из кристаллов Сваровски. А сделал он их из космического хрусталя, за которым специально летал на межпланетном звездолете на другой конец Вселенной. Василиса еще раз вздохнула, пламенно пообещала себе обязательно разбогатеть и вернуть бывшему мужу потраченные деньги. Алевтина, заметившая ее муки совести, при выходе из магазина сказала:

– Настоящая женщина и совесть – понятия несовместимые. Представь себе бабочку, порхающую над летними цветами. Если бы она имела совесть, то, находясь в образе гусеницы, не жрала бы зеленые насаждения, нанося вред природе. И соответственно, не стала бы бабочкой.

И не обрадовала бы наш взгляд красотой и изяществом линий, нежным порханием и легкостью движений. Но, к нашему великому счастью, у нее нет совести, чему мы бесконечно рады.

Василиса не понимала, почему она должна была радоваться бессовестной бабочке. Но рациональное зерно в Алевтининой теории все-таки было. Она всегда придерживалась определенной точки зрения: «Женщинам – все, мужчинам – то, что от женщин осталось», строго следя, чтобы ее не увело в сторону. В какой-то мере это было похоже на движение своеобразного феминизма. Василиса долгое время была на другом полюсе жизни. И пока она делала слабые попытки воссоединения этих самых полюсов. Василиса еще раз упрекнула себя в мотовстве, сказала себе, что купила дорожные туфли не для Федора, а для работы. Кстати, у них очень удобная колодка, в них как в тапочках. При мысли о тапочках Василисе стало весело. Как-никак, у нее теперь есть место, куда будет приятно падать. Как мало нужно женщине для счастья. Всего лишь тапочки.

– Дорогая моя, – перед домом Василису ухватила за рукав куртки старушка-соседка, – к вам неоднократно, прошу заметить, именно неоднократно, приходил молодой человек приятной наружности. Наверняка поэт. Сегодня только творческие личности могут прилично выглядеть. Только они могут выразить ту бурю чувств, что возмущает все пространство...

– Раиса Егоровна, он что, выразался и буйствовал? – Василиса подумала, что к ней приходил Забелкин. Но тот никак не мог походить на поэта. Вот на подпольного химика он похож. Его можно еще перепутать и с разорившимся финансистом. Но чтобы Забелкин был похож на поэта?! – Вы ошибаетесь, Раиса Егоровна.

– Я никогда не ошибаюсь, милочка. Он вас ждал под этим деревом. Поглядите, какое необычное растение он выбрал для вашей встречи!

Василиса обернулась туда, куда показывала старушка. Среди непролазных кустов торчала тощая березка, скинувшая последние листья. Понятно, он хотел придушить ее в этих кустах. Или повесить на березе. На следующий день заголовки газет пестрели бы однообразием: «Она дала дуба у березы!» Какая проза жизни! Вероятнее всего, неизвестный проследил за ней от магазина, где увидел, как она купила тапки. Целых две пары! И решил от нее избавиться.

– Совсем немного, и он запел бы для вас серенаду, – вещала соседка, – но ему кто-то пропел ее по телефону, и он ушел, к сожалению. Но вы, дорогая моя, верьте, он обязательно вернется!

Ужасы возвращаются, как «Дети кукурузы-113».

– С чего вы подумали, что он пришел ко мне? – Василиса хотела сохранить слабую надежду, что Забелкин успокоился, пусть хоть и не вечным сном, но каким-то непостижимым образом. Ведь он говорил ей, что живет с ней из жалости, из сострадания и чего-то там еще. Теперь, по идее, он должен дорожить собственной свободой. Ах, он же дорожит капиталом! Хватился, что половины нет, и пришел выяснять отношения.

– Очень хороший мальчик, из воспитанной семьи, – ворковала старушка.

Василиса вспомнила родителей Забелкина. Жуткие воспоминания. Они бы с удовольствием помогли родному сыночку и принесли веревку с мылом для нее.

– Живет в соседнем подъезде...

Василиса оторвала взгляд от березы. Забелкин переселился к ней поближе?!

– Раиса Егоровна, вы точно ничего не путаете?

– Я никогда ничего не путаю, милочка. Если бы вы не утащили софу к себе в квартиру, то бедному Андрюшеньке было бы на чем вас дожидаться. А так он постоял, постоял, поинтересовался, не видала ли я вас, и ушел.

Если было бы на чем сидеть, Василиса села бы сама. Оказалось, что вместо Забелкина приходил Андрей Степанов, ее одноклассник, друг, старый школьный товарищ. Кстати, совсем даже не старый, но теперь это не имеет никакого значения. Она игнорирует мужчин. Но как

игнорировать Степанова? Он так помог ей с диваном. Зачем он ее ждал? Для расплаты? Когда-то он был влюблен в Василису. Неужели, узнав о том, что она прогнала Забелкина, он решил возродить детские чувства?! Поблагодарив внимательную старушку, Василиса поднялась к себе.

Ночь снова оказалась бессонной. Василиса представляла, как она подойдет к Андрею и скажет ему, что ее больше не интересуют мужчины. Он подумает, что она – лесбиянка. А она расскажет ему, как жестоко ошиблась в избраннике, возненавидела всех мужчин... Значит, и его? Она к нему прекрасно относится, зачем врать? Тогда она объяснит ему, что начала новую одинокую жизнь... Он подумает, что она сошла с ума. Василиса разнервничалась, перевернулась на другой бок и упала на пол. Нашулав под собой четыре мягкие тапочки, она улыбнулась и решила ничего не объяснять Степанову. Зачем? Разве она что-то должна объяснять мужчинам и отчитываться перед ними? Пусть мучаются в сомнениях, бьются лбами о ее непробиваемую стену феминизма и стонут от бессилия. Перед ее сонными глазами почему-то проплыл образ Федора с ведром воды. Он не стонал и не мучился, он «резал» ей премиальные.

– Как там называлась ее фирма? – Шеф насупил брови, крутя разодранный пакет в разные стороны.

– «Рога и копыта»? – попытался вспомнить Мотя, поглядывая на надпись на пакете.

– Нет, это было где-то в другом месте, я помню, – недовольно отмахнулся шеф. – Там было как-то по-другому. Адрес запомнил?

– Конечно, – радовался Мотя, – улица Макса Карла, дом 6!

– Ясно, – серьезно сказал шеф, оценивающе глядя в его косоватые близорукие глаза, сведенные к переносице. – Улица Карла Маркса, дом 9. Завтра начнем за ней следить. Чует мое сердце, – шеф схватился за бок, – неспроста она нам пакет с деньгами подкинула, ох, неспроста! Кто бы вернул назад десять тысяч зеленых?! Очень умный человек или дурак. Она – одна из них.

– Так их двое?!

– Точно, дурак.

Глава 4

Она нащупала в кустах оттопыренный мужской орган

Забелкин мучился на больничной койке, но не от боли, а от злости, вырывающейся из всех частей его раненого тела. Ему сделали обезболивающий укол со снотворным эффектом. Когда он очнулся и вспомнил, что неумеха Василиса даже не смогла по-человечески бросить ему сумку, разозлился еще больше. Из-за нее он теперь лежит с переломом конечности, и неизвестно, когда на нее встанет. Забелкин огляделся – палата была пуста. Соседние койки аккуратно застелены, видимо, полуходячие соседи ушли на прогулку. Забелкин встал и попробовал сделать шаг. Получилось. Нога ныла, сопротивлялась движению, но делала привычные махи. Забелкин обрадовался и закричал. Неизвестно, услышал ли его зов плоти главный хирург горбольницы или нет, тем не менее он тут же появился в палате Забелкина в окружении медсестер. Это было время утреннего обхода.

– Это что еще такое?! – Врач указал длинным хирургическим пальцем, похожим на скальпель, на стоящего Забелкина. – Эта палата для обездвиженных больных!

Дородная брюнетка с выжженными от многочисленных химических завивок волосами молча подошла к Забелкину и властно пихнула его назад на кровать.

– Ишь, – хирург внимательно посмотрел на Забелкина, – ходок нашелся. Ломать – и на рентген! Нет, наоборот: на рентген – и ломать!

– Записываю, – отрапортовала медсестра, – «ломать – и рентген».

– Кого ломать? Меня ломать?! – попробовал возмутиться Забелкин.

– Не тебя, а ногу, – миролюбиво пояснила ему медсестра и проследовала за уходившими из палаты коллегами.

Забелкин понял, что попал в камеру пыток. Он снова встал с кровати и прихромал к окну. «Нужно делать отсюда ноги», – подумал Забелкин и поглядел вниз. Больная нога при этом упоминании тупо заныла, предупреждая, что ничего подобного она делать не хочет. Прыгать с четвертого этажа ему резко расхотелось. Значит, следует продумать план действий, результатом которых станет его освобождение. Свобода – за нее он бы многое отдал! Но только не конечность, которая оказалась вполне еще пригодной. Конечно, Забелкин осознавал, что может передвигаться, опираясь на больную ногу, во многом благодаря чудодейственному лекарству. Не будь обезболивающего, вполне возможно, он бы кидался на стены. А почему, собственно, он должен кидаться на стены? Лучше кинуться на медсестру, эффект от этого должен стать незабываемым для нее. Он, красавец мужчина, к тому же теперь свободный и одинокий, стал для всех представительниц слабого пола желанной добычей. Забелкин искренне считал себя желанным, даже не смотря на то что Василиса его выгнала. Приревновала к страховщице. И теперь стонет в подушку и ждет не дождется, когда он к ней вернется. Не дождется, глупая тетеха! Так промахнуться с сумкой.

– Чего стоим? – поинтересовалась заглянувшая в дверь медсестра. – Нельзя стоять. Лежать!

Забелкин попытался игриво улыбнуться, но рот растянулся в искаженную муками гримасу, – нога снова заныла.

– Больно, миленький? – участливо поинтересовалась брюнетка и подошла к усевшемуся на кровать Забелкину.

«Действует, – решил тот, – она уже называет меня миленьким!» И он ухватил медсестру за роскошные бока. Та решила, что он, теряя от боли сознание, взялся за нее как за опору, и, вместо того, чтобы дать нахалу пощечину, погладила его по коротко стриженной голове.

Забелкин понял, что выиграл битву. Сейчас он задурит ей мозги, она насует ему в карманы лекарств и потихоньку выпустит на свободу.

– Не переживай, стриженный, – успокаивала его медсестра, – ломать будут не больно. Раз-два – и готово!

– Может, не надо? – проблеял опешивший Забелкин, в очередной раз убедившийся в женском коварстве.

– Надо, милоч, надо, а то не так срастется, будешь кривоногим и косопузым. Какой ты мужик сейчас? Загляденье! Таким и останешься.

Забелкин подумал, что помирать, так хоть с этой коварной брюнеткой, нашедшей для него такие ласковые слова, и приготовился к худшему.

Его опасения не подтвердились. Медсестра оказалась настоящим профессионалом. Между «ломать» и «рентген» она выбрала последнее и потащила Забелкина на рентген. Это и спасло, по всей вероятности, ему жизнь.

Врач-рентгенолог, по мнению коллег, не просыхал от возлияний. Он считал, что, находясь на опасной работе, должен обезопасить себя таким действенным способом. С утра, приняв сто граммов и пару пациентов, он находился в приподнятом настроении и напевал бодрый марш. В этот момент к нему в кабинет прихромал Забелкин с медсестрой. Этот поход доставил Забелкину немалое наслаждение, он хромал, обхватив пышнотелую брюнетку, и прижимался к ней всем своим существом. Та сознательно и милосердно тащила его хлипкое тело к рентгенологу и лишь тихонько отталкивала нос больного, временами утыкающийся в ее пышную грудь.

– Доставили курепчика?! – Рентгенолог радостно потер руки. – Раздевайтесь!

– Может, вы выйдете? – предложил Забелкин, расстегивая пуговицы на полосатой пижаме. – Мы тут как-нибудь сами...

Медсестра ласково поглядела на Забелкина и схватилась за резинку его штанов. Тот встrepенулся и предложил рентгенологу:

– Отвернитесь хотя бы!

Врач недоуменно пожал плечами и подошел к шкафчику, где у него хранились запасы спирта. Опрокинув пару мензурок, он вернулся к больному. Забелкин стоял со спущенными штанами и зубами рвал верхние пуговицы на белом халатике медсестры.

– Совсем одурел от страха, – она развела руками, – впал в детство, титьку просит.

– Ничего страшного, батенька, в этом аппарате нет! – Рентгенолог оторвал Забелкина от халатика и поволок в кабинку. Но на входе тот уперся здоровыми конечностями и замычал. – Вы, что же, никогда не делали рентген? Разве так можно себя запускать? Нужно обязательно проверить ваши легкие. Вот, вы даже кричать не в состоянии.

– У него не легкие, – объяснила медсестра, закатывая рукава белого халата и надвигаясь на Забелкина грозовой тучей, – у него перелом ноги.

Перелома не оказалось. Было что угодно, только не закрытый перелом ноги, который констатировал фельдшер «Скорой помощи». Рентгенолог для большей верности вернулся к шкафчику и опрокинул в себя еще пару мензурок. Вернувшись к больному, он обнаружил тот же результат – перелома не было. Был ушиб, который можно назвать довольно сильным, но никаких существенных деформаций в ноге пациента не произошло. Диагноз оказался ошибочным.

– Поздравляю вас! – обратился рентгенолог к пациенту, но тот, прихрамывая и держась за медсестру, уже покидал его кабинет.

Забелкин не собирался долго задерживаться в больнице. Раз так получилось, что нога оказалась лишь ушибленной, здесь ему делать нечего. Конечно, брюнетка наверняка еще на что-то надеется, но Забелкина теперь волновала не ее грудь, а содержимое сумки, брошенной под диван. Его продержали до вечера, потом с него взяли расписку в том, что они не отвечают за

последствия, написали рецепты, назначили процедуры и на машине «Скорой помощи» отвезли назад к родителям.

Радоваться им долго не пришлось, сынок, только дохромав до дивана, рухнул под него как подкошенный. Основательно всколыхнув осевшую там пыль, Забелкин выудил на свет драгоценную сумку. Через пару минут он понял, что она оказалась полудрагоценной. Ровно в половину драгоценной. Он еще раз запустил внутрь сумки руку и пошарил в ней. Половины денег не оказалось, только издевательски звенели колокольчики. Сомнений в том, что сумку ополовинила Василиса, не было. Не такая она и тетеха, как ему казалось раньше. Наверняка, здесь не обошлось без помощи Алевтины! Только у той хватило бы ума найти его сумку и вытащить деньги. И не только деньги. Они вытащили и монету. Зачем она им?! Что они на нее собираются покупать? Она же подарочная. Забелкин еще раз убедился, что нет предела женскому беспределу, и кинулся к телефону.

Ядовитый, как показалось Забелкину, голос его бывшей сожительницы Василисы извещал дозвонившихся о том, что в данный момент та находится на работе, и просил перезвонить позже. Она устроилась на работу! Ей что, мало той половины, которую она у него заграбастала?!

Алевтина тоже не ответила на его телефонный звонок. Но Забелкин знал ее рабочий номер. Если бы Алевтину собирались вербовать в разведчицы, лучшей кандидатуры бы не нашлось. Забелкину ничего не удалось у нее разузнать. А знать, где работает Василиса и с кем она теперь проматывает его капиталы, очень хотелось. Подруга жены отнекивалась и отпихивала его к Василисиной матери, которая в данный момент находилась у черта на куличках – отдыхала в санатории. Забелкин несколько не поверил, что Алевтина ничего не знает о судьбе своей приятельницы, и понял, что его пытаются обмануть. Значит, есть, что скрывать. Конечно, есть! Такую кучу деньжищ! Забелкин решил проследить за Василисой. Если та работает днем, то вечером возвращается домой. Не спит же она на работе, хотя, кто ее знает, эту лукавую Василису. Столько лет прикидывалась тетехой, а тут, на тебе – обула по полной программе. Нога снова заныла. Забелкин представил, как подкрадется к Василисе поздним вечером в темном дворе, схватит ее своими могучими ручищами, прижмет к стенке и придушит. Нет, он не станет ее прижимать и душить, он ее повесит! Он ее зарежет! Он ее убьет! Душа Забелкина требовала крови. Но здравый смысл подсказывал, что если он ее убьет, то ничего не узнает про сворованные деньги. Забелкин решил: будь что будет, и потянулся за обезболивающим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.